

ДЕНИС СТАРЫЙ

СЛАВЯНИН

ГЛАВА РОДА

2

Денис Старый
Славянин 2. Глава рода

«Автор»

2026

Старый Д.

Славянин 2. Глава рода / Д. Старый — «Автор», 2026

Мгновение — и я в прошлом. Без Родины, без своего времени, среди чужих интриг. Славян здесь не жалуют и охотно подставляют, а я вдруг оказался на службе у самого Велизария. Что ж если у меня отняли прошлое, я построю новое. Вернусь к истокам, к предкам, и покажу, на что способен славянин. Кто там против? Болгары, авары, византийские хитрецы — разберусь со всеми. Если я лишился Родины, то создам её для себя здесь. Ведь я, как оказывается, командир отряда воинов-склавинов. Вот только персидское войско выстраивается для атаки, на острие которой мои воины, гунны обозлились и решили известить меня, жена Велизария плетет свою интригу. Легкого пути нет, но я пройду своей дорогой и проведу по ней своих людей.

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Денис Старый

Славянин 2. Глава рода

Название: Славянин 2. Глава рода

Автор(-ы): Денис Старый

Глава 1

Глава 1

28-29 августа 530 год

Мы с Бледой возвращались в поселение. Я встречал недвусмысленные усмешки, даже кивки в одобрении. Люди радовались. Особенно яркая, искренняя улыбка была на лице у Воеслава. Получалось, что я сделал свой выбор не в пользу его Мирославы. Да уж... Запутанные отношения.

Ещё одна причина, почему мне необходимо было быть с женщиной: меня просто не понимали, почему я отказал Данае, которая была бы не против не только просто быть со мной, но ещё и сестрой мне быть. А до этого, бывшая проститутка точно была не против близости со мной. Потом все ждали, что Мирослава станет моей. Все — а её муж точил нож.

Если бы не Мирослава, то на поселении извергов было ещё двенадцать женщин. Я мог выбрать любую — и никто бы не воспротивился. Но я словно был женоненавистником. Или даже, побоюсь подумать, какие дурные фантазии могли приходить в головы моим нынешним родичам.

А теперь, видимо, всё стало на свои места. Стоны и вскрики Бледы были слышны и в поселении: «Островок любви» находился близко. Пусть завидуют. А в мужском обществе такие вот победы на любовном фронте ценятся порой чуть ли не наравне с военными подвигами.

— И что ты теперь будешь делать? Я рассказала тебе всё, о чём услышала. Ты в опасности, — крепко сжимая мою руку, явно демонстрируя, что теперь она моя женщина, спрашивала, считай, что жена.

— Тебе необходимо вернуться сейчас к древлятичам и поговорить со своими и твоими родственниками. Я приму их всех, кто захочет перейти ко мне. И важно: я не собираюсь воевать со своим отцом. Но и он не должен препятствовать переходу ко мне людей. И защищать своих родичей буду всем оружием и всеми силами, — говорил я.

— А можно я уже сейчас останусь? Я не хочу уходить от тебя, — говорила Бледа. — А ты спросишь моего отца. Он не будет проти нас с тобой.

Я остановился, прислушался. Вроде бы ближайšie кусты вновь пошевелились. Зверь? А не самый ли опасный и жестокий среди животного мира? Не человек ли. Я стоял и слушал, а Бледа сделала еще несколько шагов вперед.

— Вжух! — услышал я звук приближающейся стрелы.

Я сделал шаг вперед, чтобы закрыть девушку собой, но Бледа оказалась необычайно стойкой — не скажешь, что маленькая и хрупкая. Она выгнулась так, что...

Стрела пронзила молодое женское тело. Бледа посмотрела на меня опечаленными глазами.

— Вжух! — почти срезу же вторая стрела улетела в опасной близости от моей головы.

Я тут же оттянул Бледу и сам спрялся за поваленным деревом, которое еще не успели обработать для строительства. Теперь стрелок достать не может. Да и кусты зашевелились и оттуда, уже верхом, прочь устремился убийца.

— А я ведь только тебя любила... Я только с тобою хочу... — сказала она, закатила глаза и обмякла.

— Найти этого лучника! Живьём! Шкуру с него сдирать буду! — кричал я. — Это брат мой подослал убийц. Я обвиняю его. Мы идём к моим бывшим родичам! Но прежде — лучника ко мне! — жёстко и решительно отдавал я приказы, держа потерявшую сознание Бледу на руках.

А ведь я не хотел войны. Был шанс решить всё миром. И всё равно пролилась кровь. Но я буду тем, кто крови прольёт больше. Как минимум, – моего брата. Не я начал, но я закончу эту вражду.

Ничто по-настоящему значимое не создаётся так, чтобы на алтарь Великого не были положены человеческие судьбы. Никакое государство не создаётся добрым словом и абсолютным согласием. Но и ни одно разобщённое общество не выдержит натиска организованного государства. Так что через кровь, обман и интриги, но моё государство будет создано.

Выкрикнув необходимые приказы, я тут же разорвал платье на женщине. Она сейчас представлялась мне такой незащищённой, пострадавшей из-за меня. Сущий ангел, женщина которая вот только что была ближе всего, чем иные мои влюблённости, к замужеству. И на тебе! Стрела попала в брюшную полость.

Однако, насколько позволяли мои элементарные медицинские знания, была вероятность, что вошла она неглубоко и, даст Бог, даже не задела серьёзные внутренние органы — где-то чуть ниже печени.

— На стол её положите! Уксус несите! Вывите шёлковые нитки из обрезов ткани и проденьте их в иголки! — кричал я. — Быстрее! И огонь разводите, грейте ножи.

Хлавудий, не сразу переставший похабно улыбаться и всё ещё заострявший взгляд на обнажённом женском теле непреходящей в себя Бледы, всё-таки подбежал ко мне и помог перенести ее на стол.

Многие мои бойцы ринулись в погоню за стрелком. И пусть я хотел покарать его, самостоятельно настигнуть своего врага, но у меня сейчас задача куда важнее.

Быстро ополоснув руки в уксусе, я продезинфицировал нож и сделал надрез там, куда вошёл наконечник стрелы. И правильно сделал: если бы вырвал стрелу сразу, мог бы разорвать ещё сильнее кишку, которую стрела и без того немного распорола.

Кладу пальцы вокруг древка. Осторожно. Оцениваю угол проникновения стрелы, глубину. Пальцы скользят по коже, нащупывая, куда ушла стрела. Тут важен каждый миллиметр, каждое движение. Если чуть дернуться и может случиться уже непоправимое.

— Глубоко, — шепчу я. — Но не смертельно. Повезло. Наверное. Дай Бог и боги... Дайте все!

Я оторвал кусок льняной ткани от платья Бледы, на миг задумался: а что, если я сейчас смочу обрез, который собираюсь использовать как тампон, уксусом — и обожгу внутренности раненой?

Но решил, что это лучше, чем гарантированно занести в рану инфекцию. Так и сделал, приложил ткань, как только сделал еще один надрез и расширил канал. Хлынувшая было кровь перестала ручьём вытекать из тела женщины.

Я начинаю тянуть стрелу. Медленно. Плавно. Стрела сопротивляется. Кажется, что тело держит её, как в пасти. Но я не останавливаюсь. Тяну, чувствуя, как железо скользит по тканям, как преодолевает сопротивление. И вот — с тихим, влажным звуком — наконечник выходит наружу. Кровь хлещет, но не фонтаном — значит, крупный сосуд не задет.

Другим отрезом ткани я стал вычищать рану. Потом протёр её ещё и тканью, смоченной водой. А затем — прижёл канал ранения раскалённым ножом.

Бледа пришла в сознание — и тут же вновь потеряла его. Но лучше так: иначе она могла умереть не от моего лечения, а от болевого шока, который возник бы от такого вмешательства.

И всё-таки пришлось шить: кишечник поврежден. Порез был маленьким, тонким, но он был. Взяв небольшую паузу, полностью сосредоточившись, отринув лишние эмоции, я принялся зашивать сперва разрыв на кишечнике.

— Гирметичность, — твержу я сам себе под нос.

Вокруг молчание. Все смотрят за тем, что я делаю, стараясь дышать через раз. И даже несколько кур, что были на поселении, казалось, что прониклись ситуацией и не кудахтают,

сбежали куда-то. Медленно накладываю два шва, расстояние между ними буквально в миллиметрах. Обрезаю шелковую ткань и понимаю, что скорее всего придется еще раз сюда залазить, чтобы убирать остатки нити. Знать бы еще... А можно ли оставлять нитку?

Потом внимательно смотрю на творение рук своих, осматриваю рану, чтобы лишних ниточек не было, грязи, везде было промыто и протерто. И только после этого начинаю зашивать рану.

Не знаю, насколько правильно я все делал. Но бездействовать точно не мог. Думаю, что после моей операции у Бледы больше шансов выжить, чем если бы я ничего не сделал. Она могла просто истечь кровью и умереть. Есть надежда еще и на то, что люди в этом времени более стойкие.

Я выдохнул и даже не сел — рухнул на бревно возле стола.

— Почему лавки до сих пор не сделаны? — отрешённым, усталым голосом спросил я. — Завтра же порядок наведите! И копать, строить город не прекращать!

Руки начали трястись. Это первая моя подобная операция в жизни. Я был так перегружен, что чуть было не взял вместо вина уксус и не выпил его.

Я жадно глотал неразбавленное вино — кислое, невкусное. Но дрожь в руках постепенно проходила.

— Хлеб заплесневелый дайте! — сказал я, зная, что есть пшеничный хлеб, покрывшийся зеленой плесенью, уже созревшей.

Не знаю, сработает ли это, или так, что мертвому припарка, но лучше сделать. Если начнется жар... Я не смогу помочь ничем.

— Отнесите её аккуратно в лучший дом и постелите шкуры, чтобы ей было мягче. Еды пока не давать, пить тоже. На третий день — жидкую кашу. Рану перевязывать два раза в день. Если начнется жар или будет сильно сочиться кровь — отправляйте за мной немедленно, — давал я указания.

Мира стояла заплаканная и кивала. Но обращался я не к ней — обращался к её мужу. Он из всех извергов, если не считать ещё и однорукого Щура, показался мне самым адекватным.

Если бы Воеслав был откровенным нехозяином, я бы точно не позволил ему находиться рядом с моим сыном. А так... Но всё равно нужно будет подумать, как эффективно участвовать в воспитании наследника.

Надо же. У меня есть сын. А ещё, судя по всему, у меня есть жена. Дай только Бог, чтобы выжила.

Как-то всё слишком быстро и нелепо происходит в моей жизни. Но, может, так оно и надо. А те, кто будет тянуть кота за причинное место, откладывая вопросы женитьбы и потомства, так и останутся одинокими бобылями.

— Хлавудий, собирай всех воинов. Воеслав, и ты тоже собирайся и возьми пару человек с собой из бывших извергов. На переговорах или на войне с моим отцом все должны видеть, что мы родичи и что среди нас нет извергов. И нет тех, кто их покорил. Мы единый род! — сказал я.

— Так все ратные люди отправились в погону за стрелком, — оправдывался Хлавудий.

— Когда вернутся — собирайся! — отрезал я.

И понимал: на эмоциях отправил почти всех боеспособных общинников ловить одного стрелка. А если бы сейчас была атака на наше поселение? Отличный ход: выманить большую часть воинов и быстро взять пустое селение.

Хорошо, что врагу не пришлось это в голову. Сейчас хватило бы двух-трёх десятков опытных бойцов, чтобы уничтожить оставшееся без охраны поселение.

— Мира, расскажи мне всё о своих родичах. Сколько у них силы, сколько за ними пойдёт людей? — потребовал я, начиная облачаться в доспех, забранный мною у крепости Дара, у убитого Бессмертного.

Мирослава охотно рассказывала всё, что нужно, и даже больше. Кто кому обещан в жёны, какие женихи, где у неё ещё близкие родственники, какие связи в общем роду древлятичей.

Нет, это не оппозиция, родичи почти что моей жены и матери моего сына не были активными, да и не принято у склавинов интриговать в своих родах. Почти что не принято. Есть семья главы рода. Если большинству он будет не годен, то ничего не мешает созвать Совет Старейшин и решить, как дальше жить. Мирно, большинством.

Мне рассказывали, а я в это время морально настраивался не на разговор, а на то, что мне придётся воевать со своим отцом. Прислушивался к сознанию и к телу: нет ли внутри существенного протеста. Ещё не хватало, чтобы в бою на меня напал ступор и я стал бороться с эманациями своего реципиента, противящегося происходящему.

Между тем, я не горел желанием воевать. Уж точно — не с теми людьми, для которых я всё-таки ещё родственник. Есть серьезные шансы на то, что я могу стать новым наследником союза родов под названием древлятичам.

Были у меня в мыслях аналогии с созданием Древнего Рима: убил брат Ромул брата Рема. По всему выходило, что мне нужно сделать то же самое.

— Ушёл! Не смогли нагнать стрелка, — соощили мне.

Через два часа, когда я уже собрался не дожидаться отправленных на поимку лучника людей, они вернулись с крайне нежелательным ответом.

Гнев подступил ко мне, но я сдержался.

— Нам предстоит быстро добраться до поселения моего отца! Смотрите и читайте следы того стрелка. У меня нет сомнений, кто покушался. Так что и стрелка найдём! — сказал я и решил добавить, опираясь на слова Бледы: — стрелка зовут Смел. Его нанял мой брат, чтобы убить меня. И мы идем разбираться с этим. Отказаться быть со мной уже никто не может. Свой выбор вы сделали ранее.

Сказав это, я оглядел людей. Не сомневались. Жаль, что половина отряда все еще в гостях у родственников и никто не вернулся. Но и этих бойцов мне достаточно, чтобы навести большого шороха в любом роду.

— Выходим! — скомандовал я и отряд отправился в сторону главного поселения древлятичей.

Похоже, что моя экспансия начинается. И не я это начал, но мне это возглавлять.

К сожалению, быстро идти всем отрядом не выходило. У нас оставалось всего сорок шесть коней. А если двигаться на медлительных повозках, которые ещё и отданы моему отцу, потратим больше суток.

К тому же я перестраховывался: братец мог решиться на ещё более глупый поступок — атаковать поселение бывших извергов. Поэтому оставить половину отряда здесь, посадив людей на фасад, я счёл приемлемым вариантом.

Мы спешили. Я отбил себе всё седалище, другие бойцы также на привалах ходили, растопырив ноги. Но никто не пожаловался. И мне, конечно, не следовало этого требовать.

И вот, передвигаясь всю ночь, к утру мы были у поселения моего отца. На валу стояли дозорные. Или ожидали нас, зная о покушении и что я могу прийти для мести, или отец проявил дальновидность и усилил охрану главного поселения. У рода было ещё два селища. Если бы я хотел ударить по древлятичам, скорее, совершил набег на одно из них: там и людей меньше, и воинов явно мало.

Скоро я въезжал в поселение — гордо, подбоченившись, как истинный завоеватель. Внешний вид и показательные эмоции в это время значат немало. Нужно соответствовать.

— Слезь с коня и предстань перед отцом своим, склонив голову! — потребовал Годята.

— Ты мне предлагаешь склониться перед тобой? Но я глава рода, я военный вождь. Мне не предстало, — отвечал я.

— Если ты этого не сделаешь, я буду считать тебя не сыном, а тем, кто напал на мое поселение. И тогда я буду драться, – решительно говорил отец.

Мда... Проблемка. Если сейчас начнется бойня, не факт, что нам удастся победить. Ну а если это и случится, так я потеряю точно большую часть людей, которые пошли за мной.

Склониться? Или кровь? Или все же третий вариант существует?

Я не сразу послушал. Во мне снова забурили эмоции, когда я увидел залитые влагой глаза матери. Но не только это побудило меня спешиться.

Я не хотел усугублять ситуацию. Начать здесь и сейчас боевые действия — значит по локоть вымараться в крови. Если бы это была кровь врагов славян, тех, кого сейчас все ждут после сбора урожая, я бы не задумался ни на секунду.

Но нет ничего хуже для общества, а тем более для государства, чем война внутри рода. Потому я оставлял шанс мирному урегулированию.

— Я спешиваюсь только потому, что ты, отец, неконный. Я буду равный тебе и не стану возвышаться на коне, – выкрутился я и лихо спрыгнул с коня.

Этот маневр я отработывал отдельно.

— Что привело тебя сюда? Почему ты прибыл с отрядом? Почему облачён ты в доспехи в отчем доме? — последовали вопросы отца.

Рядом с ним, по правую руку, стоял братец. И даже если бы я не слышал слов Бледы, у меня всё равно не было бы подозреваемого более подходящего, чем Добрята.

Кто ему такое это имя дал? У славян часто имена дают и парням, и девушкам по достижении совершеннолетия — не всегда, но бывает. И имя должно соответствовать человеку. Это или физические характеристики, или указывать на характер.

— Он! — я указал пальцем на братца. — Он подослал ко мне убийцу. Это был лучник по имени Смел. Бледа, — я повернулся к компактно стоящим родственникам Мирославы и Бледы. — Она прибыла предупредить меня о том, что слышала разговор Добряты и Смела, слышала приказ убить меня. Но Смел стрелял и попал в Бледу.

Я взял паузу и анализировал обстановку. Отец внимательно посмотрел сперва даже не на старшего сына, а на родственников Мирославы и Бледы. Среди них началось брожение. Мужчины осмысленно схватились за ножи, женщины пытались вразумить вспыльчивых мужей. Ситуация накалялась.

И только потом отец посмотрел на Добряту. Тот стоял невозмутимо, будто и вовсе ни при чём.

Тут из-за спины отца вышла матушка. Вытерев рукавом слёзы, она отвесила старшему сыну пощёчину. Отец тут же отгёр жену за свою спину.

Добрята нахмурил брови и полным ненависти взглядом посмотрел на меня.

— Где воин Смел? Он ушёл от моих людей, но может сейчас скрываться в лесу, или только недавно вернуться в поселение. Он скажет правду. Я видел его в тех кустах, из которых он подло пустил стрелу. Но та, которую я пообещал взять в жёны, приняла удар на себя! — Кричал я, как мне казалось, великолепно отыгрывая роль.

Впрочем, несложно играть, когда роль совпадает с тем, что бурлит внутри. Так что говорил я с надрывом. У меня даже проступили слёзы — как доказательство искренности.

— Найдите Смела! — рявкнул глава рода древлятичей.

Я выждал минуту, вторую. Поиски лучника не увенчались успехом. Однако через три минуты привели одну из девушек. Она была юна, почти ещё ребёнок, перепуганная, с широко раскрытыми глазами смотрела на всех.

— Где отец твой? — прорычал, словно разъярённый зверь, Годята. – Отвечай и останешься жить!

— Два дня тому убыл спешно. Приказал: если через три дня не вернётся, идти на поклон к наследнику рода, к сыну твоему Добряте, — не раздумывая, дрожа от страха, девчонка с потрохами сдала отца.

— Отец, неужели ты согласишься этому? — оправдывался Добрята. — Разве ты не понимаешь, что он хочет забрать у тебя то, что тебе принадлежит! Он обвиняет меня в том, чего я не совершал, только потому, что я стою у него на пути. Ему мало извергов — он хочет покорить своей власти всех твоих родичей!

— Живы ли дочери мои? — слышался не менее грозный, чем у главы рода, рык ещё одного мужика.

Несложно было догадаться: возмущался мой вероятный тесть. И я заметил: после слов о том, что Бледа может стать моей женой, эти люди оживились. Может они и не на моей стороне, но желания докопаться до правды явно прибавилось

Как минимум мне удалось внести раскол в сообщество древлятичей.

— Бледа может умереть. Я вынул стрелу и зашил рану. Но как это у меня получилось и будут ли благоволить боги, позволят ли ей выжить — сказать не берусь, — не пришлось играть, я говорил искренне.

— Ответь, глава рода, Годята! Если всё так, как он говорит, что сделаешь ты со своим старшим сыном? — вырвавшись из рук жены, заговорил мужик, вероятный отец Миры и Бледы. — Я молчал, когда мою дочь Мирославу отправили в изверги. Но сколько мне ещё молчать, чтобы при этом не потерять достоинство?

Глава 2

Главное поселение древлятичей.

29 августа 530 год

Люди с недоумением, но и с неподкупным интересом наблюдали за происходящим. Еще бы! Такой спектакль наверняка возможно увидеть только раз жизни, но вряд ли дважды. Не уверен, что многие сейчас размышляют, какую сторону им занять. Не до этого. Уж больно пьеса и постановка хороши.

— Добрята, сын мой, почему ты молчишь? — уже растерянно спросил наследника Годята.

— Я должен сказать? Отец, разве ты не видишь: это задумка! Это заговор против тебя и меня! Разве ты молчать будешь? Твое слово! — видно было, что и Добрята растерялся.

Интересно: только мне одному ясно, что он пытается переложить ответственность на отца и закрыться им? Но по всему видно, что люди это почувствовали.

Как в сказке про Маугли: «Акела промахнулся». И теперь — «ату Акелу». В данном случае — Годяту.

— А ты, братец, за свои поступки отвечать будешь — передо мной и перед богами? — сказал я и резко сделал два шага к Добряте.

Есть. Он дёрнулся и откровенно спрятался за спину отца. Годята с недоумением, а затем и с презрением посмотрел через плечо, где стоял наследник. Добрята понял, что показал слабость, и тут же вышел вперёд.

Ничего не остаётся. Нужно вызывать Добряту на бой и перед богами доказывать правоту.

— ...Она обманутая тобой, что ты обещал взять ее в жены, но с позором отказал, выживет. Сейчас она под охраной. И даже если ты пошлешь людей добить её, как свидетеля, — не выйдет. Ты сам подстроил то, что случилось у тебя же в ту брачную ночь. Ты не хотел жениться на Мире и знал, что она мне нравилась. Ты нашептал мне об этом, а потом сделал вид, что уснул. У нас было... У нас сын, которого я признаю своим. Но ты выгнал Миру, ослабил её род, опозорил и себя, и мой род, — говорил я и с каждой фразой делал шаг к брату.

За моей спиной стоял Хлавудий. В данном случае он был моим «ядерным щитом». Любая атака противника могла закончиться для него же полным истреблением.

Как и в будущем: кроме стратегического вооружения, у государства есть и другие системы. Они не остановят самых пылких — в основном молодых, которые тянулись к Добряте. Но, как и их лидер, молодые воины растерялись, не знали, что делать, и ждали приказа.

— Да ты ответишь, наконец, на обвинение?! — прокричал, будто гром грянул, глава рода.

Крик был адресован старшему сыну. Годята явно ощущал: наследник позорит не только себя, но и отца.

И это мне было выгодно. На контрасте со старшим братом я выглядел напористо, действовал в рамках права. Был достойным военным вождем. Еще и богатым, в доспехах, которых нет ни у кого. Я был на войне и побеждал.

И сейчас мне нужно было, чтобы от Добряты прозвучал вызов. Ведь обвиняю его я, а значит, он и должен потребовать поединка: пусть боги рассудят.

— Я вызываю тебя на суд богов! Пусть они рассудят, кто прав, а кто виноват! — сперва нерешительно, а потом всё громче, словно окунувшись в ледяную прорубь, говорил Добрята. — И обвиняю тебя во лжи. Я обвиняю тебя в том, что ты захотел забрать то, что принадлежит мне. Я обвиняю тебя... во всём.

— Как драться будем? — спокойным, обыденным и уверенным голосом спросил я. — Рад, брат, что ты, наконец, поборол трусость и произнёс то, что должно было прозвучать сразу же, как только я вошёл в поселение.

— Это ты трус! — выкрикнул Добрята.

Я даже не ответил. Умные люди, а таких всегда большинство, и так увидят, кто здесь трус, а кто действует хладнокровно.

Отец опустил голову. Я его понимал: два его сына сейчас будут драться, скорее всего, насмерть. Но это и его вина, что подобное возможно. Значит, неправильно воспитывал, не так расставлял приоритеты.

Впрочем, воспитательных методик здесь ещё не придумали.

— Бороться будете, — сказал глава рода Годята.

— До смерти биться! — прокричал отец Миры и Бледы.

— Я сказала: они не будут бороться! — прорычала матушка и схватилась за меч.

Мой вероятный тесть грозно посмотрел на моего отца, но промолчал. Видимо, глава рода был достаточно силен и авторитетен, чтобы оппозиция не могла поднять голову.

— Они будут драться. Такова воля богов! — вперед вышел волхв, до того наблюдавший за происходящим, но не вмешивающийся. — Это случится завтра. Нужно предупредить богов, чтобы они наблюдали за поединком. Потому к ночи мне нужно для жертвы две овцы.

А не плохо так батюшка... э... волхв, зарабатывает. За одну ночь аж две овцы. Но и мероприятие вроде как не рядовое. Так что...

— Я принимаю условия. И пусть поклянётся все, что за ночь ни мне ни моим людям, не будет зла. И... — я посмотрел на отца и матушку. — Мне горько, что в отчем доме я, словно бы чужой, а родной брат более всего хочет убить меня, но ранит жену мою.

Мать уже уронила меч и рыдала на плече отца. Годята тоже явно не был равнодушен. Младшая сестрица стояла бледная, младший брат не понимал, что происходит.

Я подошел к матери. Поклонился. В моих руках было золотое украшение. Это одно из немногих драгоценностей, что получилось найти некогда на захваченном корабле торговца, ставшего пиратом.

— Прими, матушка. Знайте с отцом, что я уважаю и люблю вас. Но так сложилось, что должен я честь свою отстаивать. Не будет этого, меня застрелят, как утку. Но я твоей крови, отец, я не могу терпеть унижения, — сказал я.

— Займешь мой второй дом. Там разместятся большая часть твоих людей. И да рассудят вас боги завтра по утру, — сказал отец, когда мать с новой силой стала плакать.

* * *

Константинополь

29 августа 530 года.

Две женщины стояли на террасе галереи Дафны Большого Императорского дворца в Константинополе. Их лёгкие, просвечивающиеся, туники развевались под порывами ветра, врывающегося в покои императора Юстиниана с моря.

Две женщины с идеальными телами, которых вождедеют почти все мужчины, стоит лишь увидеть столь совершенную красоту. Они были демоницами в ангельском обличье. И даже сейчас дразнили императорских букеллариев одним своим видом.

Но, как бы ни старалась Антонина, жена дуки Месопотамии Флавия Велизария, выглядеть эффектнее подруги — императрицы Феодоры, — это никак не получалось.

Императрица Феодора — это слом всех понятий о том, что римские патриции — какие-то «другие люди», Богом которым уготовано быть красивее, статнее, образованнее. Они, дескать, всегда благородные поведением. Выросшая в конюшнях ипподрома, имея крайне предосудительное прошлое, Феодора стала поистине величественной женщиной, с которой не мог сравниться никто.

Красота Феодоры поражала. Тёмные пышные волосы, лоснящимся каскадом спадающие ниже плеч. Упругая, высокая грудь императрицы была не менее острой, чем её природный дар — острота ума. И дело было уже не в красоте — а в самой женщине, её железном характере.

Решительная, властолюбивая, она всегда знала, как поступить. Или, точнее, чувствовала, что нужно сделать, чтобы её муж — император — становился поистине великим.

На террасе, кроме двух красивейших женщин империи и трёх охранников-букеллариев, был ещё один человек. Перед ним эти женщины и вовсе ходили обнажёнными, а порой так и дразнили. Главный евнух империи Нарсес уже привык к таким шалостям подруг. Бывало, Феодора могла пройти в термы, примыкавшие ко дворцу, и предстать перед мужчинами в своём первозданном виде. И этот образ потом еще долго будоражил сознание мужчин.

Так что влюблённых в Феодору было, может быть, не меньше, чем тех, кто ненавидел её за красоту, за то, что выскочка, что дочь младшего конюха на Ипподроме.

— Что там за история, дорогая моя, с гунном Сенакасом? — поправив, будто случайно, выпавшую грудь и заставив сразу трёх охранников сглотнуть слюну, спросила Феодора.

— Недостойна твоих ушей такая мелочь, дорогая подруга, — Антонина будто отмахнулась и взяла виноградину на высоком столике, что стоял рядом с женщинами.

Феодора резко мотнула головой, задела волосами, пропитанными благовониями, лицо Антонины.

— Дозволь мне самой решать, что для моих ушей благо, — жёстко сказала императрица.

Потом она лукаво улыбнулась, провела кончиком указательного пальца по щеке подруги и уже елеинным голосом объяснила, почему гневается:

— Твои интриги, Антонина, вышли за рамки одной фемы. Мало того, что некий склавин Андрей, явно участвующий в подстроенных тобой хитросплетениях, по дороге к склавином через Понтийское море напал на одного достопочтенного торговца. Так ещё и гунны запрашивают у императора дозволения направиться набегом на склавинские племена. Все по той же причине, что задето их самолюбие. А склавины пока были мирными: уже давно не пробовали пересекать Дунай и нападать на наши земли. Вот к чему приводят до конца не продуманные интриги. Или ты сомневалась, что я оставлю твоего мужа дукой Месопотамии? Зачем все было усложнять?

Голос Феодоры был елеинным — таким, каким она могла уложить под себя или на себя любого мужчину. Но Антонина не обманывалась: если подруга завела подобный разговор, значит, она недовольна. А недовольство императрицы может дорого стоить — если не самой Антонине, то через неё мужу, Велизарии.

— Да не беспокойся ты так. Управителем Месопотамии твоему мужу не быть. Оно и не нужно. Но он герой, и пока такой герой полезен парфинородному супругу моему. Так что уже на днях вас будут ждать в Восьмиугольном зале для чествования, — сказала императрица.

Молчала Феодора. Ни звука не произносила Антонина. Первая ждала реакции, вторая размышляла: что хорошо, а что плохо.

Понятно: гуннам, скорее всего, разрешат набег на склавинские земли. И то, как дальше сложится судьба Антонины и Велизария, во многом зависит от успехов гуннов.

Пока события происходят за пределами империи, то никто не станет обвинять Антонину и ее мужа будь в чем. Но если склавины, что вряд ли, но отобьются, да в ответ нападут на приграничные земли империи... Вот тогда нужно искать виноватых. Они уже сейчас назначены, на что намекнула Феодора.

Империи же нужно много рабов. Тем более, что верстать в рабство христиан считается неправильным. Начинаются грандиозные стройки. Уже заложен фундамент под собор Святой Софии, и для его строительства нужно не менее двух тысяч рабов. Уже начали перестраивать некоторые здания Большого Константиновского дворца.

Империи нужна рабочая сила, должное количество сильных гребцов на галеры. И одной лишь войной с персами — пусть даже удачной — эти проблемы не решить.

— А он хорош? — неожиданно для Антонины спросила Феодора.

— О ком ты говоришь, моя дорогая подруга? — жена полководца, действительно, не сразу поняла, кого имеет в виду императрица.

— Я хорошо тебя знаю. И мы неплохо проводили время с другими мужчинами, пока я не нашла тебе достойного и перспективного мужа. Я знаю, как ты реагируешь на хорошего жеребца. Тот склавин — он хорош? Почему при упоминании его у тебя дёргается левый глаз? — не поворачиваясь и продолжая любоваться морем, спросила Феодора.

— Я не знаю, что тебе ответить... — выигрывая время, сказала Антонина.

— Мне ещё раз повторить вопрос? Ты сегодня медленно думаешь. Пребывание в крепости в Месопотамии не пошло тебе на пользу, — уже не елейно, без игры, с металлом в голосе сказала Феодора.

Антонина молчала: она искренне испугалась. Если императрица злится — недолго дожидаться и отделения головы с плеч. Может даже и заживо быть зажаренными в чреве металлического быка. Что скажет Феодора, то исполнит Юстиниан.

— Я не знаю, что тебе ответить, госпожа, — Антонина перешла на официальный тон. — Но в нём есть какая-то загадка, которая не даёт мне забыть этого склавина.

— Подробней! — потребовала императрица.

Феодора посмотрела на букелларию, продолжавших пожирать её похотливыми глазами. Ещё минуту назад это забавляло. Теперь же нет. Раздражало.

— Нарсес, сам выйди вон и забери этих... — Феодора указала рукой на телохранителей.

Она хотела их оскорбить — и из уст бывшей проститутки, а ныне императрицы Восточной Римской империи, бранные слова звучали бы легко. Но Феодора прекрасно понимала, как происходят дворцовые перевороты и как быстро одни парфенородные сменяют других. Противников у приёмного сына — неродного, но занявшего престол — хватало. С телохранителями нужно дружить. И даже иногда показывать грудь, а после посылать одну из своих служанок, чтобы она избавила воинов от сексуального напряжения. Чтобы они и думать забыли строить заговоры, а ценили, что получают.

— Разве ты не поняла, Антонина, подруга моя, — с явным ёрничаньем продолжила Феодора. — Гунны запросили у моего мужа разрешение совершить несколько набегов на склавинов. Твоя интрига с этим Андреем может привести к тому, что склавины объединятся и совершат очередной набег на империю. Славяне сейчас не в ссоре: нам пока не удалось натравить антов на склавинов. И болгары не особо свирепствуют, не требуют большой дани со славян. Сможет ли твой муж, способен ли Велизарий, выигравший лишь одно своё сражение, организовать масштабный набег славянских племён? Вот о чём я думаю. А не чувствую. Я смотрю сильно вперед.

Феодора, только что наседавшая на Антонину, заставившая её согнуться, — хотя жена Велизария была чуть ли не на полголовы выше подруги, — выпрямилась и вновь явила лучезарную улыбку.

— Ну же, моя дорогая. Расскажи мне о нём. Ведь я даже его не знаю, но у меня складывается ощущение, что у склавинов может появиться сильный лидер. А ещё, как мне сообщили, он увёз с собой тысячу, может и больше, хороших доспехов, в том числе взятых у бессмертных. Это преувеличение. Но все же... Склавины и без того умеют воевать, но делают это почти обнажёнными. А что будет, если они облачатся в броню? Какой он, Андрес?

Антонина быстро пришла в себя. Она дружила с Феодорой странной дружбой ещё с тех времён, когда бывшая проститутка и актриса цирка была лишь подругой приёмного сына императора Юстина.

— Он мудр. Он знает греческий. Когда я собиралась говорить на латинском, он отвечал нам, давая понять, что всё понимает. Он держался так, словно был патрицием. Он силен, красив, высок. Видно, что в нём сочетаются природный ум, приобретённое образование и одновременно необузданность и дикость варваров...

— Всё, хватит. Я начинаю возбуждаться. А мой муж сегодня пребывает в тоске, никак мне не поможет в этом: выбрал себе новую подругу — римское неразбавленное вино, — усмехнулась Феодора. — Два дня с этой подругой в обнимку спать будет. Давно он уже так не расслаблялся.

Усмешка императрицы была лишь проявлением её светскости — того качества, которое бывшая проститутка пестовала в себе долгие годы.

Но на самом деле Феодора задумалась. Всё может быть. Как и вокруг почти каждого императора или высшего сановника империи ходили слухи, что предыдущий василевс, Юстин, имел внебрачных детей — не признанных, но будто бы воспитанных где-то на стороне.

Бывало и так: в какой-то знатной семье вдруг появляется ребёнок. Матрона сановника, казалось, и беременной не была — и вдруг... семья объявляет, что обзавелась наследником.

Но тогда непонятно, почему, если Андрей и правда «из тех», он оказался среди дикарей.

— Дорогая, — подумав, соблазнительно прикусив нижнюю губу, сказала величественная императрица. — Разузнай для меня, у кого из вельмож империи рождались сыновья в год, что и Адрес родился, а потом эти сыновья исчезали. Особенно обрати внимание на тех, кто пропал во время последнего набега склавинов. В те времена они как раз тревожили наши границы.

— Не думаешь ли ты, дорогая подруга, что он может быть отпрыском патриция? Или даже сыном твоего тестя? — удивилась Антонина.

— Назови мне причину, по которой я не должна это проверить! Или назови мне тех варваров, которые знают и греческий, и латынь, да ещё умеют держать себя на людях! — сказала Феодора.

Внутренне Антонина даже возрадовалась. Как же тяготило её то, что ей поистине приглянулся этот склавин, и она то и дело вспоминает о нём. Неприлично думать о грязном варваре. А если Андрей — сын кого-нибудь из знатного римского семейства, это многое объясняет.

— Но как же его светлые волосы? — вспомнила Антонина примечательную деталь.

— А как тебе рыжие Комнины? Тоже удивительно. В нашей империи нынче столько пороков, что скоро римляне сами на себя не будут похожи, — сказала Феодора так, будто только она одна радеет за моральный облик ромейских мужчин и женщин.

— А нынче предлагаю тебе в термы сходить. Оттуда выгонят сегодня всех мужей. Но я хочу быть чистой и выпить вина, — сказала Феодора.

От автора:

У Кирова большие скидки на все завершённые циклы - <https://author.today/u/nkirov92/works>

Всего один день

Глава 3

Главное поселение древлятичей.
29 августа 530 года

Я был готов к тому, что меня попробуют убить и охрана не остановит. Но братца не было, ни видно, ни слышно. Впрочем, я не выходил из того дома, который был мне предложен для временного проживания.

Странно, но никто не заходил, никто не пробовал со мной пообщаться. Вместе с моими воинами на выходе из дома дежурили ещё четыре ратника, представленные отцом. Так что если кто-то и горел желанием со мной обсудить вероятности развития будущего после поединка, то был остановлен.

До вечера я только и делал, что периодически ел, пил, а также отрабатывал некоторые удары. Думал о комбинациях, как построить бой. Нужно было показать своим родичам, что я, как борец, состоялся.

Странное дело, когда в роду активно культивируется культ борьбы, как это имеет место быть в семье моего отца, но при этом я уже слышал разговоры, сколько нужно будет отдать кочевникам, когда они не позднее, чем через месяц придут грабить наши поселения.

Причём до конца так и не понял, кто именно должен прийти и забрать выстрадавший урожай. Судя по всему, тут работает такое правило, что если один кочевой народ приходит грабить славян, точнее брать с них выход, то между собой они потом решают, кто из них достоин части сбора славянского урожая.

Возникает тогда вопрос: а почему между собой не перегрызутся за славянскую дань? Было бы не плохо, на самом деле, когда волки друг друга едят. Или всё-таки я не до конца понимаю здешние порядки.

А вечером, когда я уже изрядно заскучал, но был радостным от новостей о самочувствии Бледы, меня позвали на обряд. Ритуал и был причиной, почему поединок откладывался.

Мы прошли не менее двух вёрст, когда вышли на небольшой холм у самого берега реки. По сути, это был небольшой полуостров. С востока – река Буг, с севера и юга — небольшие затоки, бурно поросшие камышом и рогозом. Был бы холм больше в размерах, так отличное место для городища, и строить оборонительные сооружения можно только с одной стороны.

Это было святилище, ну или капище. Истуканы с грозными мордами смотрели в сторону реки, а иные имели сразу несколько ликов и смотрели по разным сторонам. Самым большим был Сварог. Ему первому и поклонились все присутствующие.

Грозный, руками не объять такой толщины, идол Сварога возвышался метра на четыре. Вокруг него, словно бы охраняя главного бога дунайских склавинов, стояли истуканы другим богам. Сложно было отличить, кто есть кто. Но по разговорам я понял, что тут есть и не славянские идола.

Хотя нет. Перуна я узнал. У него словно бы на груди было высечен то ли наконечник стрелы, то ли наконечник копья. По размеру — так точно копья. Была ещё и женская фигура, и вот к ней тут же направились женщины.

Они несли венки Ладе, “угощали” богиню мёдом, хлебом. С опаской, лишь только кончиками пальцев прикасались к истукану и что-то просили. Впрочем, а что ещё могут просить женщины, кроме как благополучия и любви? По крайней мере, если обращаются к Ладе.

А вот мужики всё своё внимание уделяли Сварогу. Центральным персонажем был волхв-жрец, одетый в тёмную мантию с капюшоном, с резным посохом в руках, с огромным множеством амулетов на шее и на запястьях... Он словно бы сошёл с киноэкранов, настолько угадывался образ.

Мы стояли рядом с Добрятой. Я прямо слышал его дыхание — тяжёлое, болезненное. Всё же, когда перекручивает человека от ужаса, порой, если прислушаться, то можно услышать и почувствовать его страх, даже если внешних проявлений этому, казалось, и нет.

Я чувствовал страх моего врага. Именно так. Ибо если я буду думать о том, что Добрята мой брат, родственник, если я буду ковыряться в психологии своей и всего того, что происходит... Я проиграю, ибо буду нерешительным. Жалость уместна, но только если она не влечёт опасности. И все же... А не вызовет ли излишняя жестокость по отношению к родственнику протест?

Между тем, волхв бормотал что-то нечленораздельное, словно молитвы. Люди стали укладывать свои руки ближайшему соседу на плечи и раскачиваться в такт всё более громкого и громкого бормотания жреца, переходящего в крик, но все так же почти что неразборчивый. Они входили в экстаз.

Скоро некоторые из присутствующих начали вести себя неадекватно. Они рычали, кричали. Создавалось впечатление, что вдруг все пришедшие на капище сошли с ума.

В это время мой отец, глава рода, поднёс нож жрецу, а ещё двое мужиков подвели овец. — Взываю к воле твоей! — заорал пуще прежнего жрец.

Тут же он перерезал горло овце и подставил глиняную миску, в которую стала стекать кровь. И вот, когда миска наполнилась, волхв стал макать свою пятерню и обмазывать истукана кровью жертвенного животного.

После того как он ещё и своё лицо измазал кровью, подошёл ко мне и Добряте.

— Сварог дарует жизнь одному, достойнейшему. Сварог забирает жизнь у того, кто не достоин, — с этими словами мужик в балахоне стал измазывать моё лицо овечьей кровью.

Ничего приятного при этом я не ощущал. И был далёк от религиозного экстаза. А вот, что странно, страх Добряты словно бы испарился. Он стал казаться уверенным и отчаянным человеком. Сильна все же сила внушения!

А в целом антураж был соблюден. Впечатлительный человек явно проникнется обстановкой. Вокруг капища были расставлены горящие факелы, у подножья главного истукана был разожжён очаг. Впечатляло. Красивая картинка. Вряд ли больше что-либо значащее для меня.

Между тем, на этом обряд закончился. Точнее сказать, закончилось то, для чего мы пришли. А люди, измазывающие друг друга кровью жертвы, и оружие, продолжали этим заниматься ещё не менее двадцати минут.

И, поглядев на всё это, я понимаю христиан, которые боятся язычников и обязательно считают их, идолопоклонников, пособниками дьявола. Такое мракобесие увидишь — точно не станешь думать об адекватности людей.

А что же тогда происходит во время купальской ночи? Коллективная оргия? Вот это любопытно.

— Сварог всегда благоволил мне. Не допустит моей смерти. А вот ты умрёшь и уж точно не попадёшь в ирий, — прошипел Добрята.

— А тебя, если этой ночью не убьют, с радостью убью я. Если уснёшь — тебя ждёт смерть, а если спать не будешь, то смерть тебя ждёт только завтра, — сказал я и ускорился, чтобы больше не слышать этих бесполезных и ненужных стенаний и угроз.

Пускай Добрята теперь глаз не сомкнёт, будет переживать, что вот-вот придут его убивать. Я знаю: переживания, как и бессонная ночь, обязательно скажутся на его возможностях как бойца.

Ведь я не стану недооценивать своего брата. Уже потому, что он старший. А я... мой реципиент, оказывается, был очень хорошим бойцом-рукопашником. И братец не кажется хлюпиком: поджарый, спортивный, явно занимается упражнениями.

Воины моего отца проводили меня до дома. Я разделся, дал нужные указания и приказы своим людям, распределил вахты. А потом ещё минут пять боролся с собственными эмоциями и переживаниями, пока их не успокоил, и не уснул.

Утро выдалось пасмурным. Была повышенная влажность, но дождь так и не начинался, пусть все и указывало, что ему быть.

— Боги плачут от того, что должно произойти, — один из моих бойцов говорил другому.

Думаю, что эта версия изменения погодных условий будет принята остальными за участие богов в утреннем мероприятии. Ну и пусть плачут боги. Сегодня мне важны только лишь одни слёзы — моей матери. Вот кому сейчас будет тяжелее всего. Впрочем, я даже не могу догадываться, какие внутри бушуют эмоции у отца.

Два его сына выходили из дома лишь только в одних штанах и с голым торсом. Сейчас мы будем убивать друг друга. Нелепая ситуация, но вынужденная.

— И да свершится Божий суд! — провозгласил жрец рода.

А мы уже стояли друг напротив друга в самом центре поселения, и вокруг нас столпилось такое множество людей, что я даже думал, что пришли ещё из других поселений. Весьма вероятно. Но мне казалось, что всё-таки два других поселения древлячей находятся примерно в одном дне пути.

Я ещё ожидал, что будут сказаны какие-то слова, ещё жрец не вышел из круга, а мой братец уже сломя голову летел в мою сторону.

Я отреагировал. Готовлюсь уйти в сторону, чтобы поставить подножку. Всё указывает на то, что мой противник потерял голову, или я всё-таки переоценил его как бойца.

И вот мы уже должны были столкнуться, как неожиданно Добрята прыжком уходит в одну сторону. Я следую за ним — он тут же меняет траекторию и заходит мне сбоку. Удар!

Мне мощно прилетает в голову. Делаю вынужденно несколько шагов назад. Брат напирает. Максимально закрываюсь руками. Противник бьёт не переставая. Но я уже почти в норме, и особо опасные места на голове получилось закрыть. Если бы он отработывал еще по печени, мне пришлось бы кисло. Но удары сыпались в голову, вернее в руки, которыми я прикрывал голову.

И тут он подхватывает меня и почти что прогибом, лишь только чуть больше заваливаясь на бок, опрокидывает на землю.

Резко перекатываюсь в сторону. Добрята уже встал и намеревается забивать меня ногами. Рано ему ещё праздновать победу. Хотя я точно не в выигрышной позиции.

Нога противника устремляется мне в голову, перекатываюсь чуть дальше, и в это же время подгребаю ноги немного под себя и бью из положения лёжа в коленную чашечку своему врагу. Или мне показалось, или там всё-таки что-то хрустнуло.

Добрята пытается сделать шаг, но чуть было не падает. Мой удар достиг цели. Резко поднимаюсь, делаю два шага назад. Потом, замечая, что меня не преследуют, ещё раз пробиваю в то же колено.

Потом бью Добряту кулаком в голову, после, согнувшегося противника, уже своим коленом в челюсть. Он лежит. На некоторое время теряюсь. Всё-таки добивать лежачего?

Даю возможность ему подняться. С больным коленом братец не боец.

— Добивай же! — кричит знакомый голос.

Отец Бледы и Миры болеет за мою победу.

Явно преодолевая боль, Добрята всё же не сдаётся. Он ковыляет ко мне, подволакивая правую ногу, пробует схватить за руку. Берет мое запястье. Смотрю — у него уже начинает подрабатывать бедро, чтобы провести бросок.

Изгибаю свою кисть, закручиваю руку на излом и тут же ломаю кость. Тут же со всей мощи пробиваю кулаком в кадык. Противник хрипит. Ему не хватает воздуха, и он задыхается. Вот сейчас точно что-то хрустнуло.

— Нет! — голосом, полным боли и несчастья, кричит мать.

Я делаю несколько шагов в сторону. Предоставляю возможность оказать помощь моему брату. Но сам не предпринимаю больше никаких действий.

Толпа безмолвствует. Все смотрят на то, как брат умирает, не имея возможности дышать.

Проходит десять секунд, двадцать, тридцать... Никто так и не ринулся помогать умирающему наследнику главы рода. Никто не имеет права вмешиваться в Божий суд. Добрята ещё некоторое время, как рыба, выброшенная из воды, пытается извиваться на земле, хватается неполоманной рукой за горло. А потом он обмяк.

Глаза, полные ужаса и боли, застыли навсегда.

— Я не хотел этого, но это случилось! — сквозь слёзы кричу я.

Нет, я не плачу от того, что потерял брата и что собственной рукой его убил. Так я реагирую на скорбь и стенания моей матери. Однако уверен, что подобные мои слова и такой мой вид придутся по душе этим людям.

Я не бесчувственный убийца. Я лишь отстаивал своё, и так боги распорядились, что именно я выиграл этот поединок. Причём, будучи сам бойцом, я прекрасно понимал, что мой противник имел реальные шансы убить меня. Это видели многие.

Я не рассчитал. Брат, может, и был труслив, но в нужный момент собрался и использовал всё то, чему тренировался и чему учился. Или обряд на капище на него повлиял. Может и каких грибов поел, а то глаза брата были безумными.

Жрец устремился к месту нашей схватки. Я видел, как отец его грубо оттёр за свою спину. Волхв ничего не сказал, остался стоять на месте, до того чуть было не упал.

Отец шёл ко мне, глядя прямо в глаза. Я пытался понять его эмоции. Осуждает ли он меня? Хочет ли обвинить в коварстве? Но так и не понял, что именно сейчас чувствует родитель.

Думаю, что он и сам до конца не понимает, не может вычленить из урагана эмоций, которые внутри его бушуют, что именно сейчас чувствует. Кого обвиняет... Но прозвучавшие слова дали понимание, что отец принял решение ещё раньше.

— Люди! Родичи мои! Я долгое время был вам головою. Но могу ли я оставаться мудрым по отношению к вам и давать советы, если не смог воспитать любовь внутри своей семьи? Я отказываюсь быть вашим поводырём. Я призываю вас избрать нового! — с надрывом кричал отец.

Он всё ещё смотрел на меня. Наверное, именно так должны смотреть на своих детей отцы, когда чада вырастают. Более того — когда они бросают вызов родителю и выигрывают поединок. Боль, гордость, обида и радость от успехов сына... Тут хватало всего и много.

— Мы поймали лучника Смёла. Он признался во всём. Мой старший сын совершил ошибку, и не другой мой сын должен был покарать его, а я сам своей рукой. Таково моё слово...

А вот сейчас мне даже показалось, что отец усмехнулся. Но так болезненно, словно бы прямо сейчас его охватывает инсульт. Я даже заволновался, но других признаков приступа больше не увидел.

— Выбирать вам, но если будет возможность, я своё слово говорю в пользу сына своего, Андрея, — сказал отец.

А потом он, кривясь, всматривался в лица всех тех людей, которыми управлял ещё минуту назад и от которых сейчас отказывался.

Многие рыдали, даже мужчины не стеснялись проявлять своих эмоций. Слышались выкрики, призывающие Годяту не отказываться быть главой рода. Но слова прозвучали — решение было принято.

— Если Андрей берёт в жёны мою дочь Блэду, то я поддерживаю его всей своей семьёй! — выкрикнул мой вероятный тесть.

Вчера ближе к ночи пришли сведения из поселения извергов, уже ставших моими родичами. Я просил о том, чтобы прислали кого-нибудь с новостями, как себя чувствует Блэда. Она всё ещё была жива.

Девушка пришла в сознание, и её даже покормили жидкой кашей. И ей не стало плохо после этого. Так что я почти уверен, что она и будет жить. А если бы я занёс какую-то инфекцию, то она уже могла бы проявлять себя.

Так что, судя по всему, если в прошлой жизни мне не удалось этого сделать, то в этой жизни в самое ближайшее время я буду жениться.

— А ты, Андрей, скажи, чего ждать нам, если выберем тебя! — выкрикнули из толпы.

И всё-таки мир жесток. Тело моего брата до сих пор лежит — никто его не убирает. И о нём словно бы все забыли. Людей интересует моя предвыборная программа. Мне есть что им сказать.

И нет, я не столько сокрушаюсь о том, что убил брата, а беспокоюсь, что я такой милосердный. Ведь мне-то жалко Добряту.

Я пытаюсь понять этих людей, и до конца так и не выходит. Ещё раньше я сокрушался о том, что могу показаться жестоким, жестокосердным, если буду хладнокровно убивать своего брата. Возможно, я всё-таки и проспал первую атаку из-за того, что не был решительным. И это несмотря на то, что я себя настраивал на смертельный бой.

Но нет. Все люди спокойны. Только будущее их волнует, а не то, что, по сути, случился государственный переворот. Произошло то, на что я надеялся, немного поняв характер своего отца, но то, что было маловероятным и должно было сойтись воедино много разных обстоятельств.

На самом деле, главы рода, действительно, сильно переживают за то, что им доверились люди. Если они где-то себя опорочили в каких-то связях, преступлениях, то они сами делают самоотвод. И куда это всё ушло со временем? Было бы так в будущем... Впрочем, для меня будущее не определено.

Глава 4

Годное-Острог.

29 августа-3 сентября 530 года

Люди смотрели, ждали ответов. Я должен был что-то сказать. Вот же... А предвыборная речь то и не готова! Значит, говорить правду? Как-то это не по-вождески, не политично. Неужели мне предстоит быть честным политиком? Дикие времена! Тут можно даже быть правдивым, ну или почти.

Я сделал пару шагов, чтобы оказаться точно по центру поляны. Состроил, как мне казалось, гордый вид. Но говорил серьезно, без фальши, честно.

— Вы хотите услышать меня? Я скажу вам, — я всё-таки пришёл в себя и решил перебить повестку убийства собственного брата. — Я скажу вам, что не соглашусь никогда отдать часть того, за что вы проливали пот и ради чего вы разбивали свои руки в кровь. Я не отдам урожай никаким степным людям. Я буду драться!

Молчание. Не такого хотели услышать? Такой вот парадокс: люди-то и не трусливы, но нет какого-то стержня, который бы подвигнул их рискнуть, но не отдать своего. Мол, это же вполне разумно, чтобы сохранить жизни себе и своим близким, отдав половину урожая.

— Если не отдадим, то нас побьют! — прозвучало из толпы. — Железа у нас нет, броней нет, коней боевых столь мало, что почитай и нет.

Это было коллективное мнение.

— А если мы постоянно будем отдавать, то никогда не станем сильными. У нас не будет боевых коней, железа, ничего. Мы всегда будем для кого-то рабами. Придут и заберут наших женщин, наших детей. Оставят нас без еды и навязывать станут богов своих, — начал я свою пропагандистскую работу.

— Не было такого, чтобы богов других насаждали! — сказал жрец. — И наших не трогают.

Сказал — и я сразу понял, что он будет моим противником. Если ещё недавно я его не замечал, он был будто бы каким-то предметом мебели, атрибутом, необходимым для антуража, то сейчас понял, что у жреца есть своё видение ситуации. Нет, пусть хранитель культа занимается своим делом. Религия для души, а вождь, глава рода — для общества.

Но есть в чем упрекнуть волхва.

— Не было такого? Не трогают богов наших? А разве же на капище только славянские боги? — усмехнулся я. — Не потому ли капище не трогают, что там и чужие боги?

Действительно, в кругу, конечно же, не на главном месте, и даже где-то пониже остальных истуканов, но было изображение какого-то бога или богини — то ли Тенге, то ли Тенгре. Это я слышал возмущение людей, что как-то не правильно такое. Но возмущались так тихо, что я не сразу и разобрал.

— Когда приходят кочевники, они могут зайти на наше кладбище. Если там не будет их бога, то они посчитают это за обиду, — сказал жрец, но при этом явно растерялся.

Тут, как не крути, но подобное выходит за рамки допустимого.

— Не смей! — услышал я со спины.

Там был мой отец, и он уже вбивал в землю одного молодого парня. А рядом лежали лук и стрела. Что? Дружок моего убитого брата? Молодец! Верным остается и после смерти Добряты. Жаль, что не со мной.

— Взять его! — выкрикнул я, обращаясь к своим воинам.

А вот теперь нужно показать силу. Навстречу десяти моим бойцам вышли пятеро.

— Бом-бам-бам! — последовали удары.

Молодые люди, которые поспешили проявить строптивость, но уже лежали на земле. Мои бойцы на удивление быстро сбили боевой запал с дружков брата. Наверняка, он, зани-

маясь борьбой, не настаивал на тренировках и своего окружения. Хотел быть “царь горы” в собственном окружении.

— Ещё кто-то выступит против меня — я буду убивать. Вы вправе выбрать меня или нет, но больше никто не будет покушаться ни на меня, ни на моих родных и близких. Если кто-то захочет посчитаться или поквитаться с моим отцом или матерью, то знайте, что я приду и вырежу всю вашу семью. А что до того, что нельзя нам отдавать своего и что нужно объединяться — на том моё слово, и я от него не отступлю ни на шаг. Готовы биться за свою свободу, за наших богов, за наших женщин и детей? Тогда вы пойдёте со мной. Согласны ли вы оставаться рабами и отдавать своё имущество тем, кто работать не хочет, а только лишь силой оружия забирает себе пропитание, — тогда вы останетесь без меня.

И с этим я направился в родительский дом. Нужно было всё-таки успокоить мать, нужно поговорить и увидеть отношение ко всему происходящему со стороны сестры и младшего брата. Они малы, но все же. Я же не хотел разлада в семье.

Если уж я действительно стану главой большого рода, в который обязательно должны будут войти изверги, то для моего семейства ничего не должно измениться. Они должны оставаться всё так же привилегированными.

Может, в этом и был расчёт моего отца? Он понял, что после истории, когда его сыновья до смерти бились, к нему может возникнуть крайне много вопросов. И если на эти вопросы не будет ответов, то Годята может и покинуть, так сказать, свой пост.

А выходит, что он передал его по наследству. Если я всё правильно понял, то отец далеко не глупый человек. И мне нужно было бы иметь рядом с собой такого прозорливого управленца. Да и не против он, судя по тому, что не стал возмущаться, чтобы мы оказывали сопротивление любому, кто станет посягать на нас.

Сердце всё равно было не на месте. Быстрее бы решить все вопросы здесь. Я хотел вернуться в то поселение, где живут бывшие изверги, где сейчас должна находиться моя будущая жена. Я за неё беспокоюсь. И всё-таки любовь не любовь, но определённые эмоции эта женщина во мне вызывает. Мы, мужики, всегда должны быть в ответе, кого...

Ну и политически верно будет жениться на ней. Так тому и быть: и возглавлю род древлятичей. Всё-таки название «Андреевичи», более подходящее для фамилии семейной, но не для всего рода.

Люди расходились. Им тоже нужно теперь обсудить все мной сказанное. И я видел, что эта нерешительность мне на пользу. Нет тут явного лидера, который мог бы противопоставить себя мне.

Волхв? Очень даже, но он стать главой рода не может. Собрать вокруг себя власть? Придумать, что боги там что-то прошептали...

— Если ты придумаешь знамение, знак, слова богов, что меня нельзя принимать, как главу рода, утром не проснешься, — сказал я жрецу.

Он только стоял и хлопал ресницами. Еще чуть чаще делал бы это, так мог бы и взлететь. Не привык к такому обращению. Ну так я перед культом не приклоняюсь. Понимаю значимость религии, но только в социальном плане, и как инструмент для достижения цели.

— Я буду почитать богов и с тобой совет держать, — решил я несколько сгладить углы.

Волхв молчал. Но я свое слово сказал.

— Ты убил своего брата! — сказала мне мать, когда я был приглашён на семейный ужин. Вот так, словно бы и не родной. По особому приглашению.

— Да! И ты, матушка, знаешь, что мой брат собирался убить меня, — спокойно отвечал я.

— Что произошло, того уже не вернуть! Боги сделали свой выбор, и кто мы такие, чтобы осуждать? — мудро заметил отец.

Я встал из-за стола, ведомый внезапным порывом, подошёл к матери, обнял её.

— Прости, что сделал тебе больно, — сказал я.

Ещё молодая женщина. Особенно для меня, человека, который покинул прошлую жизнь, будучи даже старше моей нынешней матери. Она развернулась ко мне. Встала. Крепко обняла и начала целовать щёки, тереть волосы.

— Я волновалась за тебя. Я корила и себя, что позволила тебе уйти. Я не знаю, что и думать, но я не хочу и тебя потерять, — приговаривала мама.

— Будет тебе! — сказал отец. — Сказано же, что боги так распорядились.

Тут же стали ставить на стол горшки с едой. Я посмотрел вслед этой женщине, которая нас обслуживала. Молодая, с явно большим животом. И это не от того, что она много ест.

Я с осуждением посмотрел на отца. Он всё ещё старался быть невозмутимым. Мать же отвернулась. Понятно, кто именно сделал беременной рабыню. И мама об этом знает.

Да, здесь было рабство. Не в том классическом варианте, как это было в Древнем Риме или в Древней Греции. Уже потому, что после, в конец стола, но служанка, как только выставила на стол еду, села и сама. При этом с особой нежностью посмотрела на отца.

Значит, у меня будет ещё один братик или сестричка. Сводные. И это просто новость. Ни радости, ни горечи по такому поводу я не ощущал. Будет и будет.

Мы сидели в длинном доме, не в типичном том убогом жилище, где в основном проживали родичи. Можно было бы этот дом сравнить с коровником. Правда таким — обустроенным и ухоженным. Да и почти не воняло тут, хотя животные, несколько коз и овец, собака, были здесь же.

Дом в длину, наверное, был не менее двадцати метров, в ширину — метров пять. Относительно жилищ, которые распространены в этом мире, следует ещё указывать и про глубину дома. Но, в отличие от других более глубоких землянок и полуземлянок, здесь углубление было не более, чем на полметра.

Внутри дома было зонирование: пространства, огороженные тканью. В самом углу на входе была комната, где жили три раба. Не сказать, что они жили намного хуже, но все-таки точно не лучше, чем остальные. Я бы даже не назвал бы их рабами, а прислугой.

— Я говорил с людьми. Они готовы избрать тебя главой рода. Что первым прежде всего ты сделаешь? — спрашивал отец. — Неужели собрался сопротивляться?

— Буду делать из поселения город. Любой, даже небольшой отряд кочевников, если сюда придёт, то возьмёт приступом поселение. Но мне нужно ещё успеть до холодов отправиться в Понт. Ещё и вопрос со своей женьбой нужно решить... С людьми, которые пошли за мной и которых я оставлять не собираюсь, и нужно будет их перевозить сюда, либо же мне переселиться в другое место.

Я говорил, скорее, даже размышлял вслух. Идея остаться в главном поселении древлятичей мне не нравилось. Не видел в этом смысла. То поселение было словно бы ключом к земле, что занимали древлятовичи. Если кто и придет сюда мзду брать, то только через бывших извергов. Не потому-то ли им и позволили строиться в тех местах?

— Я соглашусь быть головой рода. Но у меня будут свои правила. И жить здесь я не стану. Поселение бывших извергов находится ниже по течению. И, если кто-то будет приходить для того, чтобы пограбить, то обязательно пройдет через те земли. Я буду там защищаться. И если уж проиграю, то вы сможете сказать, что это изверги ваши сопротивлялись, но не вы, — сказал я и с нескрываемым пренебрежением посмотрел на отца. — Это всем людям будет по душе?

— Брат, ты собираешься биться со степняками? — до этого сидевший тихо и не проронивший ни звука, с горящими глазами, спросил меня мой младший братишка.

Вот к Третьяку я сразу относился как-то душевно. Чувствовал даже родственные чувства к этому парнишке. Так что сейчас невольно улыбнулся.

— Отвечай! Но подумай еще раз! — потребовал отец. — Я не хочу потерять еще одного сына.

— Да, я буду драться со степняками, даже если меня не выберут главой рода. Если иным хочется позора и унижения, то я другой. Я уже бил степняков, могу сделать это ещё раз, — решительно говорил я.

Отец качал головой, мать осуждающе смотрела, но молчала. Сестрица, которая тоже сидела за столом, была вроде бы безразлична к тому, что здесь происходит и о чём говорят. Она больше смотрела на еду и отца, чтобы он начал есть и тогда можно всем остальным столоваться. Сестрица была пухленькой. Братишка всё так же с огнём в глазах смотрел на меня.

— Без совета родов тут не решить. Если ты станешь главой рода, ты сможешь взять сильных мужчин из древлятичей и с ними сопротивляться болгарам, или кто в этом году придет им на замену. Но другие рода в таком случае, чтобы не испытать гнев кочевников, могут прийти за тобой и потребовать тебя у родичей, — описывал мне расклады отец.

— Тогда я прошу тебя о помощи, чтобы собрать этот совет. Сколько дней для этого потребуется?

— Не менее двух седмиц. И то соберутся не все: верхние словене, что от Буга до Днестра, нижние, дунайские, не придут, — сказал мой родитель.

— Тогда пошли к людям, и пусть объявляет меня главой рода, и надо начинать действовать. А если будем только обедать и рассуждать о том, что можно сделать, а что нельзя, то придут болгары... — сказал я.

Как-то мне непривычно думать о том, что болгары враги. Вот вроде бы же славяне, родственные нам. Я даже не сразу вспомнил о том, что болгары на самом деле — это название кочевого народа, который то ли объединился с некоторыми славянскими племенами, то ли покорил их. Но получившееся сообщество взяло имя именно кочевников.

— Так боги распорядились, — пробурчал отец, оправдывая свое согласие со мной сверхъестественными силами.

Очень удобно так перекладывать ответственность.

Через три дня я был в том поселении, которое теперь собирался назвать Острогом. Странно, но такого слова у нынешних славян нет. Городить, ограждать — это есть, а вот “острог” нет. Между тем я назвал строящийся городок этим названием, не предполагая нарицательно имя, но оно тут же разлетелось среди всех остальных.

За пять дней, которые я пробыл на поселении Годном... да, вот так я его назвал, исходя из того, что первый дом на этом поселении построил как раз-таки мой дед, имя которого было Годный. Так себе, конечно, фантазия у моих предков на имена: если не Годный, то Годята. Так вот, за пять дней я, как заправский политик, вел переговоры, выслушивал глав семейств, объяснял свою позицию.

Воевать, на самом деле, люди хотели. Но... Они не хотели проигрывать войну. Кто же хочет!?

— Не лжа в том, что ты от себя с пришлыми биться будешь, а не от рода? — именно этот вопрос и был тем, который решал все.

Но а что делать? Если не хотят сражаться, пусть тогда снабжают. Кому-то война, кому-то кормить воина — это нормальный общественный договор.

— Как ты? — спрашивал я у лежащей Бледы.

Конечно, сразу же, как я прибыл в Острог, я направился к девушке.

— Хорошо. Боги не захотели принять меня, значит, буду жить долго, — пусть и дрожащим голосом, но быстро и без промедления говорила моя пациентка.

— Дочь! — сказал мой будущий тесть, входя в небольшой дом.

Здесь, на лавке, на которую наложили сена, и лежала Бледа.

Он прибыл со мной и некоторым образом представлял общественность. Нужно же людям узнать, что это за такое новое поселение возникло. Как воевать, так нет. Как любопытствовать — всегда.

Я оставил родственников, пошёл посмотреть, как обустраивается крепость. За мое отсутствие почти ничего и не изменилось. Придется серьезно разговаривать со всеми, но прежде всего с Воеславом, который вызывался за всем присматривать.

— Эх... земля русская, – вдохнул я прохладного воздуха.

— Как? Почему русская, глава рода? – спросил Хловудий.

— А почему не русская? – ответил я и не особо отличающийся умом и сообразительностью, великан, не нашелся что сказать.

Решение принято. И захотят ли главы других родов мне помогать или нет, но никто не будет брать дань с... русских. Определённо мой род будет называться теперь не древлятичами, а русичами. И почему я этого не провозгласил позавчера?

Меня избрали без какого-либо пафоса. Не было никакого посвящения. Хотя вроде бы так оно и нужно. Думаю, что это своего рода саботаж со стороны волхва. Но как-то так... На зло бабушке отморожу уши. Без него обошлись. А если часто обходиться без жреца, то зачем он тогда нужен?

Так что собрались главы семейств, сказали, что теперь будут меня слушать и все... Я уехал, а должен был по всем правилам отправиться на неделю в лес, чтобы самостоятельно там прожить, потом вернуться — и только после этого меня уже назначили бы главой рода. Вот этот обряд обязательный.

И, скорее всего, когда решу первоочередные задачи, откладывая которые просто нельзя, я совершу этот обряд и проживу положенную неделю один в лесу. Мне пробовали в этом возражать, указывая на то, что нельзя традиции и обряды предков нарушать.

Но я оказывался непреклонным.

— Я сказал вам, что поступлю так, как вы хотите. Но сделаю это тогда, когда будет возможным, — словно бы мантру повторял я на том всеобщем собрании всех родичей.

День... Другой... Они были словно бы один. Мало отличались друг от друга. Просыпались, воины делали зарядку, потом работали, два часа, ну или около того, на тренировку, обед. Работа. Тренировка, ужин. Сон. Привыкнуть к тому, что еда только два раза в день сложно. Но если люди так привыкли, я не видел смысла вводить пятиразовое питание. Нам еще зиму зимовать и дополнительно продукты закупать.

— Тревога! – закричали на четвертый день, как я вернулся с поселения Годного. – Тревога!

От автора:

Я бил фашистов на войне и служил флоту. В 90-е свои приказали сдать боевой катер тем, кому мы тогда не сдались. Я напомнил им: советские офицеры корабли не сдают.

<https://author.today/reader/526345>

Глава 5

Острог.

3 сентября 530 года

— Что случилось? – спросил я, тут же устремляясь к своей кибитке, чтобы облачаться в достпехи. – Почему тревога?

Я быстро накинул брони, даже не затянул ремешки и шнурки, взял оружие. В таком виде залез на смотровую вышку и крутил головой практически на триста шестьдесят градусов, сиюсь с рассмотреть, где же опасность. Однако безрезультатно.

Только показалось, что вдали, на реке, была точка, которая, при должной фантазии, могла быть распознана, как лодка-однодеревка. Но и все.

Слез с вышки и принялся выяснять, кто первый начал кричать о тревоге. Такими словами не разбрасываются и возможно кто-то будет и наказан.

— Так это я, вождь, – сказал Славмир.

Сказал и смотрит на меня виноватыми глазами. Молчит.

— Ну? – подтолкнул я к разговору рыжего. – Или затрещину тебе нужно дать, чтобы докладывал?

— Так я это... Рыбу удил...

— И? – сказал я, и уже замахнулся.

— Так прикинулся хворым, на тренировку не пошёл, а сам рыбу удил. Потому-то и признаться нельзя...

— А том после поговорим, что видел? – нетерпеливо, но так, чтобы парень вовсе не ушел в себя, спрашивал я.

— Так лазутчики были, степняки. Трое. А если они были, значит, рядом отряд. Прознать хотели, что и как у нас тут, – наконец, доложил Славмир.

Резонно. Если есть разведка, то в наличии и тот, кто ее послал. И теперь нам нужно готовиться.

— Тревогу не отменять! – выкрикнул я, а потом продолжил расспрашивать Славмира: – Что они могли увидеть?

— Так только стройку нашу, и все. Ратных много не увидели бы. Они на другом конце города, – сказал Славмир.

Воины облачались в брони, разбирали оружие. Уже начали выставлять телеги на те участки холма, которые не были защищены стеной. А это ещё добрая половина. Натягивались тетивы, изготавливались к бою арбалеты.

Женщины уже начали голосить.

— Баб успокойте! Нечего им мешать? – прокричал я, подумав о том, что и женщин было бы неплохо вооружить хоть чем.

Лучше, конечно, арбалетом, пусть и со слабым натяжением. Все равно чуть больше усилится плотность стрельбы. Ну если только у баб будет еще доставать духа на то, чтобы пускать арбалетные болты во врага.

Через полчаса все уже были готовы встречать врага. А никого не было. Прошел еще час. Работа вся встала. Палило солнце. Быть в железе не так и легко. Тепловой удар схватить можно быстро.

— Дозволь изведать! – попросился в разведку Хлавудий.

— Ты мне здесь нужен. Такой всадник рассмешит степняков, если это они, – сказал я, не обращая внимания на обиду великана.

Но предложение дельное. Скоро десяток конных отправились посмотреть в ту сторону, откуда могли прийти какие-то степняки. Судя по тому, что я уже понял, визит степного рэкета прямо сейчас несколько преждевременный.

Урожай ещё не собрали. Мы даже не выкопали всю репу и капусту, которую посадили на огороде изверги. А ячмень, насколько об этом говорили люди, ещё до конца и не созрел. Нужно было не менее чем две недели, чтобы уже говорить о полноценном урожае и быстром его сборе.

Но не будут же просто так лазутчики пробираться через камыш, чтобы посмотреть на наше поселение, и при этом ничего не делать. Не на женщин же наших пришли поглазеть. Или уже высматривают, паразиты, себе наложниц? Так хрен им!

Разведчики вернулись только ближе к вечеру.

— Есть отряд. Сколь не рассмотрели. Все же степные, они глазастые, – сообщил разведчик.

Мда... Неинформативно. Все же у меня в отряде нет тех, кто мог бы конно полноценно заниматься разведкой. Плохие из склавинов наездники. И быстро это не изменить.

А когда я уже раздумывал над тем, чтобы дать всем отбой и отдохнуть, так как даже просто находиться облачёнными в железо под палящим солнцем было ещё той задачей, все же вдали, где было большое поле, показались чужие всадники.

— И чтобы никто не выстрелил без моей команды! – сказал я.

Как бы то ни было, но сперва нужно поговорить. Но если наши противники не будут разговороспособными, тогда нужно их бить. И так, чтобы жестко, без сомнений.

— Шесть десятков? – усмехался Хловудий. – Их всего шесть десятков.

— А, может быть, семь десятков. Ты сам посчитал? – спросил я.

Великан посмотрел в сторону сотника Некраса. Понятно было, кто считать умеет. Ну, так в Некрасе я и не сомневался.

— Нечего расслабляться. У нас тут тоже не две сотни, – сказал я.

На самом деле, мой отряд сейчас состоял из ста двенадцати человек. Это с теми родичами моей будущей жены, которые пришли проведать своих дочерей. Ну и десяток извергов, возглавляемый Воеславом.

Между прочим, нынешний муж моей бывшей любовницы, ну или любовницы моего реципиента, оказался славным воином. В отличие от большинства склавинов, он не только умел хорошо метать дротики, но ещё работал с мечом и щитом на загляденье хорошо. Уж точно лучше меня. Хотя я трижды его выигрывал, но, скорее, за счёт и неожиданных ударов, в основном ногами. И он не был готов к такому. Хотя и я не особо готов к его профессионализму. Будет мне наставник по современному фехтованию.

Отряд потенциальных противников приближался. Сперва они ехали быстро, но, видимо, смогли рассмотреть, что мы готовы к обороне. Остановились. По всей видимости, о чем-то между собой договорились, приняли решение двигаться дальше.

Пока я приказывал воинам не светиться ни на стенах, на над повозками, чтобы противник не видел, что мы облачены в хорошие доспехи. И сколько нас. В этом мире быть в броне – это всё равно, что иметь против автоматчика не только хороший автомат, но ещё, наверное, крупнокалиберный пулемёт. То есть воевать против нас можно. Но явно недолго, если только противник не будет в такой же защите.

Шесть десятков степных людей приближались к нам. Кони у них были вполне нормальные, такие, как и у нас, не приземистые, которые, если верить истории, использовали монголы. В полноценные доспехи облачены были из них только пятеро, вот они и были впереди отряда.

Остальные тоже были в доспехах, но в кожаных, нашили деревянные дощечки на грудь, или у них были неровные железные пластины, но не полностью закрывающие даже грудь. И всё-таки мы получили большое преимущество, когда прибыли сюда с большим количеством оружия и брони.

— Говорить хотят! – констатировал факт Некрас.

— Я пойду с головой рода, – сказал мой будущий тесть, пытаясь отодвинуть себе за спину сотника Некраса.

Но тот не поддавался. Уперся и не сдвинешь.

— Нет, – я посмотрел, что степняки остановились и четверо из них, один явно уступающий во всём, в том числе и в облачении, вышли вперёд.

Не хотелось позориться, садиться верхом, наверняка хорошие наездники сразу разглядят во мне неумеху. Но ничего не поделаешь.

И уже через минут двадцать я, выдвинулся сопровождении Некраса и Хловудия, который и вовсе держался в седле, будто бы оседлал медведя, порой даже хватался за конскую гриву. Вот в такой компании мы выехали вперёд.

Хлавудия я бы не брал с собой, но он такой большой, представительный, что даже если будет стоять в сторонке и ничего не делать, всё равно любой противник так или иначе заострит внимание на этом громиле. А в этом времени параметры роста, веса, мощи воина сразу же внушали либо страх, либо, если этот воин был маленьким, снисхождение. Ведь нет ещё огнестрельного оружия, которое всех уравнивает.

Мы подъехали, я посмотрел на людей, которые вальяжно сидели в седле, перекинув две ноги на одну сторону. Один из них в хорошем доспехе, может быть, только немного уступающим моему, что-то прокурлыкал.

— Славный бек спрашивает тебя, кто ты такой, и по какому праву ты городишь город, когда это не было дозволено, – без какого-либо акцента, будучи явно носителем славянского языка, переводил всадник.

Он был и без оружия и вовсе одет в лохмотья.

— А почему я должен спрашивать у кого-то дозволения? Не слышал я, чтобы мой род платил кому-то выход, – спокойно, не выказывая высокомерия, даже немного недоуменно, говорил я.

Не нужно дразнить своего собеседника до того, как я получу хоть какую-то внятную информацию. Так что пока показываю непонимание ситуации. Пусть объяснят.

— Великим ханом Аспарухом славному беку поручено по осени собрать выход с того рода, который здесь живет. Иные бейки будут собирать с других родов славянских. Наш Великий Хан одолел всех тех, кто мог бы прийти к вам за хлебами, красивыми девами и вашим скотом, – сказал толмач.

— Вот как? А ведь и раньше никто не брал у нас дев, и скот наш не уводил. Почему вы посчитали, что в этом лете будет иначе? – поинтересовался я.

Тот, который говорил переводчику, не спешил с ответом. Он снял шлем и пристально посмотрел на меня своими немного узковатыми глазами. Словно бы в процессе создания этого человека участвовал не только азиат, но и родитель европейского вида. Впрочем, остальные тоже были такими же. Но все неизменно черноголовые, низкого роста.

— Ты хочешь сопротивляться славному беку? – через некоторое время произнес переводчик, пытаясь даже передать интонацию своего хозяина.

— Но я уж точно не отдам своего. Ты приходишь по праву сильного забирать то, что принадлежит мне. Так почему же по праву сильного я не могу отбиться от тебя и, может быть, даже прийти к тебе и забрать то, что принадлежит тебе? – сказал я.

Хотелось бы и дальше продолжать разговор, не объясняя раскладов, но, видимо, этого у меня не получится. Пора уже и указать о своих намерениях.

— Понимаешь ли ты, славный воин, который одел чужую броню, ту, которую славяне никогда не умели делать, что в таком случае мы сожжём все ваши жилища, убьём всех ваших мужей, заберём всех ваших дев и юных мальчиков? – мой собеседник уже явно раздражался.

Он, будучи росточка невеликого, смотрел, скорее, не на меня, хотя я тоже был на голову выше своего собеседника, он не мог отвернуть своего взгляда от Хлавудия. А тот будто бы даже не понимал, что происходит. Увлёкся мухой и пытался её отогнать от своего лица.

Дебил! Но свой, родненький! Право слово, природа наделила его мощью, но при этом такой подарок компенсировала разумом.

— Ты должен пустить меня в своё поселение, чтобы я посмотрел и оценил, сколько у тебя воинов. И вправе ли ты говорить, как тот, кто силой обладает, – последовал новый посыл от пришельцев.

— Нет. Ты не зайдёшь на моё поселение, и ты не увидишь, сколько у меня воинов. Часть из них я, пожалуй, покажу тебе. Ту часть, чтобы она была числом сравнима с войнами, что ты привёл, – сказал я, потом позволил себе усмехнуться. – Но скажи мне, если бы я пришёл к тебе домой и сказал то же самое, то ты пустил бы меня в свой дом, чтобы я посмотрел, как он защищён и что можно богатого из него взять?

Ответ последовал не сразу. Сперва бек даже схватился за свою саблю, но вовремя понял, что явно погорячился. Тем более, что борьба Хлавудия с мухой закончилась убийством насекомого, и теперь великан грозно взирал на парламентарёв, не отвлекаясь на более “важные” дела. Показывал всем своим видом, что он готов прямо сейчас вступить в бой.

Но я не хотел сегодня драться. Судя по всему, врагов у нас столько много, что драки в самое ближайшее время будут обыденностью, как поесть или попить. И, если есть хоть какая-то, пускай малая возможность избежать драки, но заключить какой-то договор, то я бы последовал дипломатическим путём.

— Я так и не понял, с кем я говорю. Болгары ли вы, или авары. Кто пришёл к моему дому и со мной разговаривает? – спрашивал я.

Оказалось, что болгары. Ну да я вспомнил, когда напрягал максимально свою память, что именно в эти годы болгары совершили два набега на Византию. А если они это сделали, то явно проходили через земли склавинов. Авары же должны быть где-то на Волге, или между Доном и Волгой. И, скорее всего, аварам платят дань анты, другой славянский народ.

— Послушай меня, славный бек. Я просил бы тебя донести мысль мою до своего великого хана, что со славянами можно подружиться. У нас могут быть смешанные браки, мы можем дополнять друг друга. У нас в скором времени будет сильная пехота и тяжёлая конница. У вас уже есть славные войны на конях. Так почему бы нам не быть вместе? А уж кому управлять всем этим обществом... можно разобраться и в поединках, – сказал я.

Нет, я не был таким наивным, полагая, что прямо сейчас болгары кинутся ко мне в объятия и скажут о том, что они только о том и мечтали, чтобы стать единым государством, единым народом со славянами. И не должно смущать даже то, что в иной реальности, хоть и значительно позже, но подобное произошло.

Однако, я прекрасно знал, в чём суть окон Овертона – того явления, о котором в будущем немало было сказано. Сперва должно прозвучать что-то невозможное, то, что будет отвергнуто любым здравомыслящим человеком.

Если этого не произойдет, если не будет провозглашено невозможное, то оно так и останется не реализованным. А уже потом, когда будет поиск путей выхода из какого-то кризиса, в любом случае в голове то и дело будет всплывать ранее неприемлемое решение. И кто знает, может быть когда-то и воплотиться в жизнь моё предложение, которое сейчас вызывает смех у отнюдь не славного бека.

— Скорее реки потекут вспять, и небо обрушится на землю, чем болгары станут единым народом с рабами, – явно нехотя, переводил толмач.

По всему видно, что у этого раба, переводчика, ещё осталось немного самолюбия. И не нравится ему, что так обращаются к его соплеменникам. Ну либо он ант, а не склавин. Но разве же от этого слова болгарина становятся более приятными?

— Я приду сюда через три недели. Сейчас с вас брать нечего. Но вы подготовитесь здесь и в этом городке отдадите мне половину всего того, что соберёт ваш род. А потом мои люди пойдут и посчитают, сколько осталось у вас от урожая. И если будет обман, то я всех вырежу и ваше жилище спалю, – сказал бек. – И каждую четвертую деву заберем и ребенка от шести лет до четырнадцати.

Хлавудий было дело уже хотел что-то возразить, схватился за большой топор, который висел у него на поясе.

— Не смей! – приказал я.

— Но, как же так, вождь? – голосом обидевшегося ребёнка спросил Хлавудий, но руки от оружия убрал.

— Хорошо, приходи, славный бек. Если ты позволишь, то я не буду показывать тебе своих воинов, ибо кто они против твоих славных богатырей. Приходи через три недели, я буду здесь, – сказал я, и поймал на себе удивлённый взгляд славянского великана.

И всё-таки было ошибкой брать Хлавудия с собой на переговоры.

А вот болгары были удовлетворены моим ответом. И по всему видно, что они не так уж и стремились вступать в противостояние. Наверняка, этот малочисленный отряд лишь только проезжал мимо, может быть, от кого-то узнал, что здесь ведётся строительство, решил посмотреть. Но основные войны находятся где-то в другом месте.

В скором времени мы возвращались в свой ещё недостроенный город.

— Почему мы их не побили? Их же меньше и одеты они хуже. Разве нам их кони не нужны? – бурчал Хлавудий.

Но я ему отвечал только лишь после того, как мы удалились на приличное расстояние, чтобы ни в коем разе потенциальный враг нас не услышал. Причём я предложил объяснить ситуацию Некрасу. Я был почти уверен, что он понял все мотивы, которые двигали мной во время переговоров.

— Если я тебя правильно понял, вождь, то ты не передумал давать бой. Лишь только наших врагов решил усыпить незнанием о том, что мы можем ему противостоять. Но ты и достаточно показал, чтобы прямо сейчас враг на нас не обрушился малыми силами, и не имел впоследствии возможности прийти с крупным отрядом и уничтожить нас, – говорил сотник.

Вот после такой догадливости и гибкости ума, мне даже захотелось сделать его своим заместителем. Судя по всему, на днях должен вернуться Пирогост, если он вообще будет возвращаться, и тогда я не знаю, кто именно будет моей правой рукой. Впрочем руки-то у меня две, так что и заместителей может быть двое.

— И всё же я не знаю, прав ли ты, – когда после переговоров я собрал небольшой Военный Совет, куда пригласил своего тестя, он и высказывался первым. – Но я с тобой. Уж такой отряд, да если он и будет в два раза больше, со всеми воинами, что с тобой пришли и которые должны вернуться к тебе... С такими воинами одолеть болгар будет можно.

— В прошлом году, когда приходили степняки и брали дань, сколько их было? – спрашивал я у своего родича.

— Четыре сотни приходило, разделились они на разные поселения, но никто им не сопротивлялся. Мы не сможем выставить своих воинов и две сотни.

— Что думаешь, однурукий? – спросил я у своего градоначальника.

Пусть этот умудренный мужик и был калеккой, и уж точно никак сейчас не мог являться воином, да и строителем, но голова у него работала отменно, компенсируя увечья.

— Бек этот приведёт не более четырех сотен своих воинов, даже три сотни воинов, да ещё и вооружённые всем тем, что ты, глава, принёс, то мы не просто выставим, мы их разгромим и станем ещё сильнее, – сказала однурукий.

— А помощь он брать ни от куда не будет? Если нет, то подготовиться к бою с четырьмя сотнями мы сможем. А вот если их будет уже тысяча, то тут сложнее, – адресовал я вопрос ко всем собравшимся.

Хотя я сам знал ответ. Вряд ли этот бек, по сути, князёк своего рода, будет просить у кого-то помощи. Ведь таким образом он распишется в собственном бессилии. А такого неудачливого и трусливого правителя тут же свергнут, даже если и устойчивая власть была до этого.

Так что придёт он только своим родом, причём, ему обязательно надо будет оставлять в степи со своими женщинами со своей ордой немалую часть воинов. Поэтому да, четыре сотни он приведёт, и то это уже завышенные цифры.

— Все ли сейчас поняли, что нам нужно готовиться к войне? – состроив суровый вид, спрашивал я.

Мужики кивали головами.

— Ты, Бранко, – обратился я к своему тестю, – Тебе поручаю отправиться на поселение нашего рода и призвать всех молодых и здоровых мужей, чтобы они прибыли сюда не позднее, чем в течение недели.

— Они не могут быстро стать славными воинами. Многие из них редко когда брали в руки топор или метали сулицу, – качал в отрицании головой мой тесть.

Однако, я всё равно настаивал на своём. Перезаряжать арбалет и стрелять из него можно научить любого неполного идиота за один день. Ха! Если Хлавудий научился! Тем более, что многие из славян были охотниками потому и луками владели вполне лихо.

Правда, охотники, как правило, что для меня стало удивительным, не шли на войну. По крайней мере, в моём отряде, который отправился в поисках своего военного счастья на чужбину, было только первоначально не более трех десятков охотников. Они же и стали основой для сейчас уже выделенного в отдельный отряд лучников. С охоты сейчас немало кормятся.

Но, так или иначе, что именно делать бойцам, я найду. В крайнем случае, будут готовить ловушки и ямы для наших противников. Стройотряд тоже пригодится.

– Некрас, оставляю поселение на тебе. Сам я завтра с Хлавудием и ещё тремя десятками воинов отправляюсь в Понт. Иной возможности, чтобы сходить туда и выкупить рабов, как и прикупить оружие, припасы на зиму, у меня не будет, – сказал я.

Так что готовимся к сопротивлению. Наращиваем мускулы, но пока, к сожалению, нет у меня никакой возможности для того, чтобы создавать прогрессивные вещи.

Но надеюсь, что когда придёт зима, когда кочевники перестанут рыскать по округе, то найдётся час-другой, может быть, и целый месяц, чтобы, как тот Прометей, или, он же славянский Сварог, буду давать людям новые ремёсла и знания.

Глава 6

Феодосия. Острог.

Сентябрь 530 года

Когда в школе учился, был практически уверен, что рабство ушло с развалом Западной Римской империи. Но это не так. Оно, может, чуть меньше стало играть роль в экономике, но уж точно вдруг кто-то не озаботился тем, что рабство — это не гуманно. Не запретил.

Но когда это и плохо, вот только сейчас для меня — благо. Нужны люди, их можно купить. Серебро и даже ткани, что можно продать, есть. По моему скромному мнению, или не очень скромному, серебро или золото — это только лишь металл. Важнее то, что люди готовы его менять на всё что угодно, включая и на самих же людей.

А вот я как раз-таки считаю, что самым главным капиталом являются люди. Тем более, когда в планах много развития, война, усиление собственного рода. Поэтому я посчитал необходимым купить людей. И тех, которые будут усилением моего рода.

Самым богатым городом на рабов была Феодосия. Наверное, эта традиция впоследствии перекочевала и в Высокое Средневековье, где город Кафу, та же самая Феодосия, оставался крупнейшим рынком рабов.

Вместе с Данаей, Пирогостом, Хлавудием и Славмиром... вот этой уже отработанной командой мы и прогуливались по портовому городу Феодосии. Ничего из того, что было в том же Трапезунде, здесь не было. Похожие города. Может только Трапезунд немного больше. Хотя, если брать в расчет рабов, то в Феодосии людей больше.

Пирогост вернулся в Острог уже на следующий день после того, как мы отбыли в Крым. И он вполне здраво рассудил, что может и должен быть рядом со мной. Так что во главе небольшого отряда этот, считай, уже сотник, так как привел людей и стал командиром сотни, отправился следом. И нагнал нас, вынужденных передвигаться чуть медленнее, обременённых повозками, уже на второй день.

Я оказался прав, когда не препятствовал никоим образом размыванию своего отряда и уходу многих воинов к себе в род. Правильным решением было и то, что всем погибшим славянским ратникам, что были под моим началом, полагалась некоторая своя доля в добыче.

Однако те роды павших героев, которые могут претендовать на наследство, должны сами прийти ко мне. Таким образом я хотел зарабатывать лояльность, привлекать в свои ряды и ещё большее количество боевых людей.

Люди посмотрели, каким богатым и с какими конями и дарами прибыл их родич — Пирогост, так больше четырёх десятков, в основном молодых мужчин, тут же загорелись идеей поступить на службу и таким образом возвыситься. И если у нас все получится, они-таки и возвысятся.

— Лучшие девы, сильные мужи — вы найдёте невольника по своим средствам и желаниям! — звучала рекламная кампания одного из работорговцев.

И таких точек, где можно было бы купить людей, на Большом базаре было три. Судя по всему, не так-то и хорошо шёл товар. Оно и понятно. Для Византии сейчас всё ещё продолжается успешная война. И на рынке как бы не половина всех рабов были персами, ну и представители других народов, которые проживал в персидской державе, — те же армяне или курды.

Но были здесь и славяне. Прежде всего, анты. Я уже успел узнать: Даная рассказала, что можно говорить об окончании долгой и вялотекущей войны антов и аваров. К сожалению, но проиграли родственные нам племена.

Так что рынок просто перегрелся. Если уж говорить цинично, то наблюдался кризис перепроизводства. Рабов много, каких хочешь, а вот покупателей не хватает. Тем более, какой рачительный хозяин будет покупать себе раба практически уже перед зимой? Это же получается,

что раб не будет ничего производить, а между тем его нужно кормить и содержать до весны. До нового полевого сезона.

Так что ещё каким-то спросом пользовались красотки, ремесленники. А вот с бывшими воинами никто не хотел связываться вообще. Их-то было немало.

— Кто таков? — спрашивал я одного из на вид мощных невольников.

Не знаю, но что-то меня зацепило в нём. И этот непокорный взгляд, и явно славянские черты лица. Вот так ставить себя, вести себя нужно ещё уметь. Тут элементарной гордости и чувства собственного достоинства мало. Это порода. Привычка повелевать и быть над многими людьми.

А ещё я заметил у себя, что несколько обостряются животные инстинкты. Я даже было дело хотел приписать себе какие-то сверхъестественные способности. Но нет, конечно! Хотя разве был бы я против запустить какой-нибудь огненный шар в сторону своих врагов? Или силой воли подчинять других?

Так вот, я стал чувствовать людей. Их силу. И, скорее всего, это не только эмоции. Но ещё и примечаю вот такое поведение. Так что пройти мимо этого раба я не мог.

— Ант Хорив я! — гордо назвал своё имя невольник.

— Тебя взяли в бою, и ты был предводителем антов? — спросил я.

— Ведун ты? Или я ещё не растерял ту силу рода, с которой выходил на бой? И ты чувствуешь ее во мне? — спрашивал Хорив.

Авось? Сложно в это поверить, что такое... Возможно но всякое бывает...

— Есть у тебя братья Кий, Щек, и сестра у вас Лебедь? — сказал я.

— Ну а ты из какого рода будешь? И почему не видел я тебя на той славной битве на порогах, где мы чуть было не одолели аваров? — раб не особо удивился.

Посчитал, что я из его племени. А вот у меня внутри прям похолодело. Насколько же это всё интересно! Неужели я попал в то время, когда возник легендарный Киев? Ну, а почему нет? Или совпадение. Такие имена распространены у антов. Причем они передаются у глав родов по наследству. Так что свой Хорив мог быть и сто лет назад. И через столетие такой же будет. Как в будущем Александр Первый, Второй...

— Сколько стоит раб? — спросил я у торговца, указывая на Хорива.

— Так золотой! — не задумываясь отвечал работорговец.

— Не смей меня покупать! Мне обратно в род нужно, — шёпотом и грозно прорычал Хорив. — Меня выкупят. А я не стану рабом!

Я пока на него не реагировал. Нужно было быстрее заключать сделку, чтобы торговец не понял, какой именно у него товар. Ведь по нынешнему праву, он мог завышать цену хоть и в сто раз. А братьям Хорива пришлось бы тратить явно не имеющийся в изобилии ресурс.

— Уважаемый, ни один раб здесь не стоит золотого, — пробовал я торговаться. — Ты же знаешь сам, что цены упали и сильно.

Просто никто бы не понял меня, и это было бы подозрительно, если бы я не попытался скинуть цену. Хотя за такого сильного раба золотой — это мало, если только раб покорный. Грамотный покупатель всегда должен был проверить, насколько сломленного человека он покупает. Никто не будет хотеть, чтобы раб воткнул нож в спину при первой же возможности.

И, судя по всему, покупаемый мной раб был изрядно строптивым. Потому как сделка была проведена в очень сжатые сроки.

— Пока ты будешь в верёвках. Но как только мы выйдем за пределы города, я сниму с тебя оковы. И оставайся мне благодарным: ведь до приезда твоего брата тебя мог купить кто-то другой, — говорил я.

Больше участия в покупке рабов я не принимал. Лучше всего торговалась Даная, а Хловудий с Пирогостом были рядом с ней и не давали в обиду. На окраине города мы разместились небольшим лагерем. И все знали, что там сила. Достаточно было нашим бойцам появиться на

базаре в доспехах и числом не менее, чем в двадцать бойцов, как желание пограбить нас у многих пропадало.

А ещё удивительно слаженно тут работала стража, если немного задобрить звонкой монетой. Одному десятнику пришлось дать три серебряных монеты, и он заверил, что никаких проблем с покупкой не будет. И не было.

Так-то, проведя только лишь два дня в городе, мы отправились в обратный путь.

— Ты свободен! — сказал я Хориву.

Тот посмотрел на меня недоверчивым взглядом.

— Я знаю, что попрошу сейчас многого, но добраться без коней и сопровождения домой я не смогу. Дорогу будут преграждать болгары, а за ними авары, — сказал он.

— Я дам тебе людей, чтобы они тебя сопроводили до земель твоего рода. Но ты должен донести до всех антов, что я готов войти с ними в союз, и мы, владеющие словом, склавины и анты, способны защитить себя и отбиться и от аваров, и от болгар, и от всех остальных. Если у тебя выйдет, и ты успеешь, приведи через две недели своих воинов ко мне. Это будет более, чем достойная плата за всё, — сказал я, отпуская Хорива.

В Феодосии мы купили девяносто шесть мужчин и ещё восемнадцать молодых женщин. Вот за них я не тратил ни серебрушки из собственных денег. А воины, по их словам, выбрали себе не столько рабынь, сколько жён. Так почему бы и нет!

Более того, я договорился с одним работорговцем, что если у него по весне появится нужный мне товар, то может прислать своего приказчика прямо в Острог и я найду за что купить людей. И не боялся и называть свое место жительства. Мы должны были к этому моменту либо сгнуться, либо же усилиться настолько, что не страшно прибытие под стены и большого отряда потенциальных врагов.

Получилось достигнуть и ещё одной цели: мы везли сразу двадцать пять телег, полностью гружённых продовольствием. Для этого пришлось распродать почти весь имеющийся у нас шёлк, другие ткани. И на данный момент можно говорить, что мы остались почти без денег.

Но у нас теперь есть люди, и есть, чем их прокормить.

Острог встречал работой. Уже почти закончилось возведение стен, продолжали копать ров, ставить частокол, и по всему периметру вкапывались рогатки. Возвышались шесть вышек с возможностью из них бить лучникам. Жаль, но пока не башням. Все по моим заветам, но медленно. Или я сильно придираюсь.

Уже теперь, если придёт большой отряд степняков, то они не смогут взять крепость, пока не растащат рогатки, не закидают ров... и всё бы ничего для наших врагов, если только из крепости не будет вестись стрельба по ним. Причем не только стрелами и арбалетными болтами. Настало время вспомнить другие достижения военной мысли древности и Средних веков.

Так что болгары могут приходиться. Нужно показать себя и дать им отпор.

* * *

Склавинские земли в Подунавье.

Сентябрь 530 года.

— Вжиу! — свистел посланный в воздух рой стрел.

Предводитель гуннов Суникос с удовлетворением наблюдал за тем, как начинает гореть одно из славянских поселений. Как смертоносные подарки достигают склавинских мужчин и женщин. Давно он не вспоминал свои измененные инстинкты убийцы. Все больше воин, да в подчинении. А тут свобода и ощущение власти.

— Вот так будет и со всеми остальными! — приговаривал гунн, облизывая сухие губы.

Рядом с ним находились трое пленённых глав склавинских родов. И показательное взятие этого поселения было в основном разыграно для них. Эти главы, ранее бывшие не слабыми, должны узреть ту силу и мощь гуннов, которая беспощадна к своим врагам.

Они были выкрадены гуннами, обещал предводитель степных завоевателей отпустить глав родов. Но чуть позже. Вначале вот это представление. Когда Суникасу разрешили сделать набег на склавинов, то прозвучало требование, чтобы меньше разорения было славянским поселениям, которые должны были привезти в империю на продажу часть своего урожая. Да и оставались преградой для других степных народов, стремящихся в Константинополь.

— Поняли ли вы, кто виной всему? — спрашивал у славян Суникас. — Почему я здесь и причем по воле василевса. Кто преступил закон и убивал гуннов?

— Мы принесём тебе его голову. Но ты оставь нетронутыми наши поселения, — говорил один из славян.

— Может, и мне ещё предложишь вернуть всех тех молодых мужей, которых я забрал себе в рабы? — усмеялся предводитель гуннов.

Трое старейшин понурили головами. Да, их поселения не были сожжены, однако дань, которую запросили гунны, была чудовищной. И теперь эти рода оставались почти без пропитания на будущую зиму. Благо, что не весь урожай собрали. Может быть, на месяц или на полтора хватит еды. А что делать дальше?..

А будет ли это дальше, или прямо сейчас гнутый меч Суникаса обрушится на головы славянских старейшин?

Между тем полторы тысячи гуннов, которые участвовали в нападении на большое славянское поселение, стали подходить ближе к уже горящим домам. Почти не было сопротивления. Изредка могла вылететь стрела в сторону кочевников, бывших сейчас на службе у ромейского императора. Многие успели убежать. Но не все...

Со свистом и с криком гунны ворвались в поселение и начали грабить его, насиловать женщин. Делать всё то обычное, что всегда происходит на войне.

Суникасу это было не особо интересно. Во время войны с персами он взял себе столько богатств, что разграбление любого славянского поселения не принесёт ему и десятой доли от взятого ранее.

Так что гунны здесь для того, чтобы сохранить свою честь и достоинство. Они пришли мстить за своих. Никто не может сказать, что, дескать, гунны уже не те, что были при Атилле. Да, они не те, но признаваться себе в этом не желают. Вот и приходится раз за разом доказывать.

— Пошли от меня прочь! Я даю вам два месяца, и если за это время у меня не будет живым предводитель Андрей, то я опять приду со своими воинами и буду уничтожать все ваши поселения, — сказал Суникас.

А после он, чтобы славяне знали своё место, как рабы, стал хлестать их плётками по спине и лицу. И лишь только утомившись от этого занятия, действительно отпустил славянских старейшин прочь.

* * *

Острог.

Конец сентября 530 года.

Каждое действие имеет последствия. Да! Пришли сведения, что гунны совершили набег на склавинопольские поселения. И что это из-за меня. Пока никто и ничего мне не предъявил. Но есть такое впечатление, что осень будет очень непростой.

Что получается? Мне нужно готовиться к ударам болгар. Со дня на день они придут. Что-то задерживаются уже на день. А тут еще и гунны могут атаковать повторно в любой момент. Но, судя по всему, самая главная проблема может возникнуть из-за своих же соплеменников.

Что в таком случае делать? Существует два варианта, один из которых категорически неприемлем. Это – сложить лапки и сдаться. Приемлемо? Нет, никогда! И не для того мне дарована вторая жизнь, чтобы я провел ее рабом. Мы не рабы! Рабы – не мы!

Именно поэтому необходимо укрепляться, становиться сильнее, готовиться к войне. Возможно, я преувеличиваю, но, как мне кажется, именно сейчас решается вопрос всего славянского мира. Будем ли мы позволять относиться к себе как к рабам или к тварям, которых можно постоянно обкладывать данью?

Если покажем стойкость, если проявим мужество, то заработаем уважение. Причём важно даже не то, чтобы нас уважали наши враги. Важнее, когда народ сам себя уважает и не допускает даже возможности рабского положения. Лучше смерть, но свободным, чем жизнь, что животного!

— Со мной или вы? — вопрошал я к людям.

Я созвал Совет Старейшин всего рода древлятичей. Пришли представители и от соседей — родимичей и короватичей. Из последнего рода были Пирогост и Хлавудий, а также и многие бойцы, которые пошли за ними.

Люди молчали. И если те воины, с которыми я уже делил тягости похода и войны, ещё раньше высказали своё решение не быть рабами и сражаться за это, то для других мой призыв казался скорее авантюрой. Они привыкли откупаться, платить за свои жизни и оплакивать родичей, которые попадают в рабы, как мертвых.

— Чего ты молчишь, глава Ухват? — взревел Хлавудий.

Ухват — это глава рода, между прочим. И мне уже становится очевидно, что, скорее, власть в руках Пирогоста и Хлавудия. И это причина, почему он здесь.

— С тобой мы, мой род! Коли вместе били гуннов ранее, то будем бить их и нынче, — сказал Пирогост, с некоторым презрением посмотрев на главу своего рода.

— Через месяц будет Совет Старейшин всех родов. Пока он не случился, я, Родим, глава рода радимичей, буду с тобой, — сказал ещё один присутствующий здесь представитель сильного рода.

Он встал, окинул взглядом всех.

— Гунны убили моего сына. Он был там, в том поселении. Я прощать не стану! — заявил он.

Странно, конечно, что гунны не дошли до моего поселения. И в целом эта атака Суникаса была, скорее, брошенным вызовом, чем действительным набегом. Можно предполагать, что он не пошёл сюда, так как здесь уже рядом болгары. Но я не думаю, что именно это остановило гуннов, и они не продолжили свою экспрессию. И даже то, что они атаковали только двумя тысячами, вряд ли можно считать причиной быстрого ухода за Дунай.

Теперь встал и я.

— Тогда нам ничего не остаётся, кроме как готовиться к войне. Некрас, — обратился я к своему воеводе, — сколько нынче воинов у нас?

Некрасу я доверил все вопросы подготовки и экипировки воинов. Конечно, и в эти процессы я вникал, но было видно, что воевода уже проникся некоторыми новшествами, применять которые мы будем в обязательном порядке при обороне и вероятном наступлении.

— Четыреста шестнадцать человек у нас. Все с оружием, и многие в бронях. Из них более сотни никогда не были в бою. Они будут с самострелами, — докладывал Некрас.

Достаточно примитивных арбалетов мы сделали, а ранее забрали у ромеев, уже более ста штук. И это серьёзное решение вопроса дистанционного оружия. Лучников выделили в отдельный отряд, и там сейчас всего лишь полсотни. Но, это те стрелки, которые могут эффективно работать с этим оружием. Арбалет же прост в использовании, и нужно только работать с людьми, чтобы обеспечить управляемость во время боя.

— Болгарам противостоять сможем. Но вот склавинам иным... Тоже сможем. Сила не числе, не в оружие, а в решении сопротивляться, — сказал я.

Может еще когда-нибудь мои цитатники будут издавать большими тиражами? Ну если я “изобрету” печатный станок. Правда, до него, в очереди очень много чего “изобрести”, чтобы выжить.

Глава 7

Острог.
26 сентября 530 года.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.